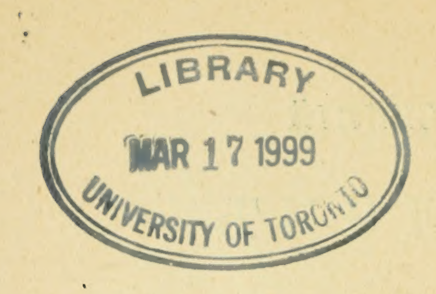

3 1761 05341288 8

№1
Весеннiй салонъ поэтовъ

ВЕСЕННІЙ САЛОНЪ ПОЭТОВЪ.

МОСКВА.
Книгоиздательство „Зерна“.
1918.

Книга отпечатана въ Москвѣ, въ типографіи Т-ва А. А. Левенсонъ. Обложка — литографія въ пять красокъ—работы Г. Якулова.

Складъ изданія при К-вѣ «Геликонъ», Пречистенка, Мансуровск. пер., д. № 6, кв. № 3. Телеф. 4-69-63.

С. Абрамовъ,
Г. Адамовичъ, Амари,
А. Ахматова, К. Арсеньева,
Ю. Балтрушайтисъ, К. Бальмонтъ,
А. Блокъ, С. Бобровъ, В. Брюсовъ, И. Бу-
нинъ, Д. Бурлюкъ, А. Бѣлый, М. Волошинъ,
А. Герцыкъ, З. Гиппіусъ, А. Глоба, Н. Гумилевъ,
С. Есенинъ, В. Ивановъ, Г. Ивановъ, Р. Ивневъ, В. Инберъ,
В. Каменскій, Н. Клюевъ, Н. Крандіевская, М. Кузминъ,
Е. Кузьмина-Караваева, К. Липскеровъ, О Мандельштамъ,
В. Маяковскій, В. Меркурьева, М. Маравская, С. Парнокъ,
Б. Пастернакъ, С. Рафаловичъ, Б. Савинковъ (Роп-
шинъ), С. Соловьевъ, Ѳ. Сологубъ, И. Сѣ-
верянинъ, М. Тумповская, В. Ходасе-
вичъ, М. Цвѣтаева, Т. Чуриминъ,
М. Шагинянъ, Н. Ша-
пиръ, В. Шилейко,
И. Эренбургъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

«Весенній салонъ поэтовъ» — первый выпускъ задуманной серіи сборниковъ, цѣль которыхъ — отражать движеніе русской поэзіи.

Сборники будутъ помѣщать и новые стихи, и уже появившіеся въ печати. Этотъ первый сборникъ перепечатываетъ стихотворенія (независимо отъ времени ихъ написанія) за сравнительно долгій срокъ:—отъ 1914 года (приблизительно съ начала войны) до конца 1917 года. Въ дальнѣйшемъ они будутъ періодическими, выходя разъ или два въ годъ.

Новые стихи, благодаря теперешнимъ трудностямъ почтовыхъ сообщеній взяты только у поэтовъ, живущихъ въ Москвѣ.

Всякія указанія по поводу этого сборника, которыя будутъ приняты съ благодарностью, а также новые сборники стиховъ редакція проситъ направлять по адресу: Москва, Кречетниковскій пер., д. 8., кв. 1, Книгоиздательство «Зерна».

Москва. Мартъ. 1918.

САЛОНЪ
ПОЭТОВЪ.

С. АБРАМОВЪ.

Смотрѣть, какъ рдѣютъ листья винограда,
Сорвать лозу и увѣнчать чело,
И совамъ крикнувъ на ходу въ дупло,
Погнать коровъ испуганное стадо!..

И знать, что солнца лѣтняго не надо,
Что будетъ грѣть осеннее тепло,
Когда плоды повиснутъ тяжело
Въ янтарной зелени лѣсного сада!..

И взоромъ обнимая землю-мать,
Раскрытой грудью всей, въ былинкѣ каждой
Пылающую плодородья жаждой,—

Благословлять земную благодать
И ждать, что потекутъ въ осеннемъ хмелѣ,
Какъ крѣпкій медъ, веселыя недѣли.

Опять, опять лишь рѣки дождевыя
Польются по широкому стеклу,
Я подъ дождемъ бредущую Россію
Все тише и тревожнѣе люблю.

Какъ мало насъ, что эти пятна знаютъ
Чахоточныя, на твоей щекѣ,
Что гордымъ посохомъ не называютъ
Костыль въ уже слабѣющей рукѣ.

* * *

Летятъ и дни, и тревоги...
Все ниже головы склоненныя.
Заноситъ ласковымъ снѣгомъ
Вѣтеръ улицы пустынныя.

А кто придетъ, кто остановится,
Заглянетъ въ окошко разрисованное,
Кто къ стеклу прильнувъ подивится,
На ясныя складки савана?

АМАРИ.

Одна звѣзда упала,
Сіяя сіяньемъ кристалла,
Влажнымъ блескомъ росинки,
Теплымъ свѣтомъ слезинки.
Но пожелать я успѣлъ
Въ тотъ быстрый мигъ,
(Словно пѣсню я тихую спѣлъ,
Иль тайну постигъ),
Тебѣ пожелалъ я счастья,
О, сестра моя!
Тебѣ пожелалъ я звѣздной доли,
О, звѣзда моя!

* * *

Не настало время молиться,
Нѣтъ въ душѣ и словъ для молитвъ.
Намъ завѣтъ—въ себя углубиться,
Будетъ сердце медленно биться,
Какъ въ предчувствіи бурь и битвъ.

Говорить придетъ еще время,
Нужно только слушать, таясь,
Прорастаетъ ли свѣтлое сѣмя,
И носить, какъ женщинамъ бремя,
Съ чѣмъ-то тайнымъ темную связь.

ЖУРФИКСЪ ВЪ ССЫЛКѢ.

Изъ поэмы «Декабристы».

«Попушка, Муравьева.
Мурашка!
Скоро ли будутъ готовы
Чайныя чашки?
А ты, Катюша,
Послушай!
Что же ты на вечеръ
Пришла въ охотничьихъ сапогахъ?
Посмотри какъ милая Визинка
Разрядилась, просто страхъ!
И Лисхенъ, Лизанька!
Надо бы открытыя плечи,
Бѣлое бальное платье.
Ахъ, Катюша, вѣчно проказница Катя,
Смѣшная такая!
А еще княгиня Трубецкая,
Придворный мужъ,
И по рожденію къ тому-жъ
Француженка...

Завалишинъ считаетъ лишнимъ,
Не придетъ!
Ну что же, Богъ съ нимъ, очень рады,
Мы для него вѣдь аристократы,
А онъ плебей, народъ!»

Ивашевъ пришелъ во фракѣ.
Цѣлуетъ дамамъ руки,
Стараясь не замѣчать,
Что не свѣтской, любезной скуки
На этихъ лицахъ печать.

А привычной заботы знаки.
Стараясь не замѣчать,
Что не очень свѣжи фраки
И что старость идетъ, какъ тать.
Стараясь не замѣчать,
И главное не молчать,
А такъ, какъ раньше въ гостиныхъ,
О пустякахъ невинныхъ,
О слухахъ, о сплетняхъ старинныхъ
Болтать, говорить, отвѣчать.

Полупоклоны,
Полунамеки,
Шопотъ салонный,
Ропотъ далекій.
Также все было,
Было когда-то,
Сердце забыло....

* * *

Нѣтъ ничего въ душѣ моей, чтобъ людямъ разсказать.
Нѣтъ драгоцѣнныхъ въ ней камней, нѣтъ драгоцѣнныхъ дней,
Нѣтъ словъ поющихъ, словно мать, чтобъ боль людскую укачать.
Чѣмъ боль чужую мнѣ унять? что буду дѣлать съ ней?

Я боль одну—свою люблю, о ней одной пою,
Ее я людямъ отдаю, ее, мою—другимъ.
Что дѣлать людямъ съ болью той, съ ея пѣвучей красотой?
У нихъ своя! Не пой, не стой, не будь помѣхой имъ.

У нихъ своя, какъ у тебя, у каждаго своя,
И замкнутъ каждый человѣкъ въ ту боль свою навѣкъ.
И каждаго влечетъ ладья по быстрымъ водамъ бытія:
Моя погибнетъ иль твоя? И гдѣ же устье рѣкъ?

* * *

Въ темной жаждѣ божества
О, рыбарь, мы ждемъ ловитвы;
Но забыли мы слова
Для призыва и молитвы

О, сердецъ и душъ рыбарь,
Ты когда жъ разставишь сѣти?
Затрепещутся ль какъ встарь,
Божьи рыбки,—видишь—эти

Истомленныя сердца?
Долго ль ждать намъ молчаливо,
Чтобъ достигли до отца
Безсловесные призывы?

ПОСЛѢДНЯЯ НОЧЬ.

Всѣ слезы на тихомъ лицѣ сотру,
И ждать не хочу зари.
Какъ зеленыя солнца въ другомъ мірѣ,
По улицѣ фонари.

И за день поблекли глаза отъ сна,
Когда же настала ночь?
По мокрому скверу течетъ весна,
Мнѣ Богъ не хотѣлъ помочь.

А солнца зеленыя спятъ вверху,
На вѣки бросая тѣнь.
Я усталыя ноги еще влеку,
Куда-нибудь душу дѣнь!

Не оставь въ моей памяти даже словъ,
Или игранныхъ въ дѣтствѣ гаммъ,
Когда помолившись, подъ звонъ часовъ,
Я душу Тебѣ отдамъ.

* * *

Стаетъ снѣжокъ возлѣ пня.
Мокнетъ крыло у меня,
Носъ подъ водицу сую,
Горькую клюкву клюю.
Каплетъ съ тяжелыхъ вѣтвей.
Вѣтеръ острѣе и злѣй.
Больше болотца, луна
Рано и низко видна.
Взвоетъ лиса на нее—
Вотъ оно все бытіе.
Крыльями снѣгъ всковырну
И надъ водицей усну.
Птичьему слуху легко,
Выстрѣлъ узнать далеко.
Птичьему глазу темно—
Мохъ подо мной или дно.

ІЮЛЬ 1914.

I

Можжевельника запахъ сладкій
Отъ горящихъ лѣсовъ летитъ.
Надъ ребятами стонутъ солдатки,
Вдовій плачъ по деревнѣ звенитъ.

Не напрасно молебны служились,
О дождѣ тосковала земля:
Красной влагой тепло окропились
Затоптанныя поля.

Низко, низко небо пустое,
И голосъ молящаго тихъ...
Дѣлятъ тѣло твое пресвятое,
Мечутъ жребій о ризахъ твоихъ...

II

Пахнетъ гарью. Четыре недѣли
Торфъ сухой по болотамъ горитъ.
Даже птицы сегодня не пѣли,
И осина уже не дрожитъ.

Стало солнце немилостью Божьей,
Дождикъ съ Пасхи полей не кропилъ.
Приходилъ одноногій прохожій
И одинъ на дворѣ говорилъ:

«Сроки страшные близятся. Скоро
Станетъ тѣсно отъ свѣжихъ могилъ.
Ждите глада, и труса, и мора,
И затменья небесныхъ свѣтилъ.

Только нашей земли не раздѣлитъ
На потѣху себѣ супостатъ:
Богородица бѣлый разстелетъ
Надъ скорбями великими платъ».

УТѢШЕНІЕ.

Самъ Михаилъ Архистратигъ
Его зачислилъ въ рать свою.

Н. Гумилевъ.

Вѣстей отъ него не получишь больше,
Не услышишь ты про него.
Въ объятой пожарами, скорбной Польшѣ
Не найдешь могилы его.

Пусть духъ твой станетъ тихъ и покоенъ—
Уже не будетъ потерь:
Онъ Божьяго воинства новый воинъ,
О немъ не грусти теперь.

И плакать грѣшно, и грѣшно томиться
Въ миломъ, родномъ дому.
Подумай, ты можешь теперь молиться
Заступнику твоему.

* * *

Тотъ голосъ, съ тишиной великой споря,
Побѣду одержалъ надъ тишиной.
Во тьмѣ еще, какъ пѣсня или горе,
Послѣдняя зима передъ войной.

Бѣлѣе сводовъ Смольнаго собора,
Таинственнѣй, чѣмъ пышный лѣтній садъ,
Она была. Не знали мы, что скоро
Въ тоскѣ предѣльной поглядимъ назадъ.

* * *

Изъ памяти твоей я выну этотъ день,
Чтобъ спрашивалъ твой взглядъ безпомощно туманный:
Гдѣ видѣлъ я персидскую сирень,
И ласточекъ, и домикъ деревянный?

При имени моемъ ты будешь вспоминать
Внезапную тоску неназванныхъ желаній
И въ городахъ задумчивыхъ искать
Ту улицу, которой нѣтъ на планѣ.

При видѣ каждаго случайнаго письма,
При звукѣ голоса за пріоткрытой дверью
Ты будешь думать: вотъ она сама
Пришла на помощь моему невѣрью.

4 апрѣля 1915.

ВѢРУЮ.

Credo quia impossibile
Gregorius VII. P. M.

Знаю я въ яви вселенной
Плачъ на разсвѣтномъ порогѣ,
Путь человѣческій въ зноѣ,
Длящійся ложно...
Знаю, какъ сердце земное
Хило во снѣ и въ тревогѣ,
Немощно въ радости тлѣнной,
Въ скорби ничтожно...

Вижу я въ смертной истомѣ
Годы заботы и крохи
Блага, блаженство и рядомъ
Горе у двери—
Юность съ сѣдѣющимъ взглядомъ,
Старость съ проклятьемъ во вздохѣ,
Въ нищемъ и княжескомъ домѣ
Тѣ же потери...

Снится мнѣ въ жизни однако
Цвѣтъ человѣческой доли,
Полдень души, безпечальной
Въ мирѣ и въ спорѣ—

Вѣрю я въ жребій вѣнчальный,
Въ царствіе часа безъ боли,
Въ посохъ, ведущій средь мрака
Вѣчныя зори...

Вѣрую, вѣрую, Боже,
Въ сумракъ, о звѣздахъ поющій,
Свѣтъ воскресенья сулящій
Чудомъ страданья...
Вѣрую въ молотъ дробящій,
Въ пламя и въ мечъ создающій,
Въ жертву зиждительной дрожи,
Въ даръ оправданья!

ЗИМНІЯ СЛЕЗЫ.

Триптихъ.

а. МЯТЕЛЬ.

Чу! Ширь глухая вдругъ завыла...
Вотъ, снѣжный вихрь мелькнулъ въ куетахъ
И будто съ жалобой унылой,
Клубясь, гудя, взметая прахъ,
Какъ бѣлый призракъ, мчится, пляшетъ,
Вдругъ длинный саванъ распояшетъ
И обовьетъ имъ кровли хатъ
И глухо-глухо бьетъ въ набатъ...
Но сладость есть и въ дикомъ воѣ
Вдругъ встрепенувшейся зимы,
Какъ жутко-сладокъ шелестъ тьмы
И любо сердцу роковое,
Въ чьемъ сумракѣ безвѣстный часъ
Надъ грозной бездной водитъ насъ!

б. ЗАПОВѢДЬ СКОРБИ.

Когда предъ часомъ сердце наго
Въ кровавой смутѣ бытія,
Прими свой трудный мигъ, какъ благо,
Вечерняя душа моя!

Пусть, въ частыхъ пыткахъ поникая,
Сиротствуетъ и плачетъ грудь,
Но служитъ Тайнѣ боль людская
И путь тревоги—Божій путь...

И лишь творя свой долгъ средь тѣни,
Мы жизнью возвеличимъ міръ
И вознесемъ его ступени
Въ ту высь, гдѣ вѣченъ звѣздный пиръ...

И вѣщій трепетъ жизни новой,
Скорбя, лишь тотъ взраститъ въ пыли,
Кто возлюбилъ вѣнецъ терновый
И весь отрекся отъ земли...

в. СКАЗКА.

У людской дороги, въ темный прахъ и илъ,
Въ жаждѣ сѣва Вѣчный тайну заронилъ...

И вскрываясь въ яви, какъ свѣтаетъ мгла,
Острый листикъ травка къ свѣту вознесла...

Вотъ и длились зори, дни и дни текли,
И тянулся стройно стебель отъ земли...

И на немъ, какъ жертва, къ солнцу былъ воздѣтъ
Въ часъ лазурной шири алый-алый цвѣтъ...

Такъ и разрѣшилось въ пурпурѣ цвѣтка
Все нѣмотство праха, дольняя тоска...

И была лишь слава міру и веснѣ—
Вотъ, что скрыто Богомъ въ маковомъ зернѣ!

ВЕЧЕРНЯЯ ПѢСНЯ.

Полдневный ленъ и розы отцвѣли —
Въ послѣдній разъ, какъ блѣдный свѣтъ въ пыли,
День шелестомъ касается земли...

И гдѣ сплеталась ткань дневного сна
Изъ зыбкаго цвѣтного волокна,
Нѣмая даль нѣмыхъ тѣней полна...

И гдѣ пылалъ о разномъ мигъ и мигъ,
Весь призракъ яви, какъ единый ликъ,
У звѣзднаго порога вдругъ возникъ...

Міръ пестроты, свершившей свой завѣтъ,
Облекся въ прахъ безъ знаковъ и примѣтъ
И намъ, предъ тайной ночи, крова нѣтъ...

Въ твой звѣздный храмъ пріотворилась дверь.
И ты, душа распятая, теперь
Всю нищету отдѣльности измѣрь!

ИЩУЩИМЪ.

Въ свой темный путь иди безъ страха,
Подвластный часу человѣкъ —
Твое свершенье не отъ праха,
Не отъ земли твой краткій вѣкъ...

Въ мигъ роковой, какъ въ мигъ случайный,
На всѣхъ распутьяхъ жизни ты—
Слѣпой участникъ вѣчной Тайны,
Грань сокровенной полноты...

И ты въ игрѣ пустыхъ томленій
И въ потѣ всѣхъ своихъ трудовъ
Лишь ткалъ неизреченной тѣни
Несовлекаемый покровъ...

Ея дыханіемъ безсмѣннымъ
Цвѣтетъ въ мірахъ, какъ сонъ и дрожь,
Все, что ты мѣтишь знакомъ бреннымъ
И смертнымъ именемъ зовешь...

К. БАЛЬМОНТЪ

ОКО.

Я Око всеобъемное. Во мнѣ
Стѣсненья горъ. Ихъ темные уступы
Ведутъ въ провалъ, гдѣ ключъ журчитъ на днѣ.

Мнѣ хлопья мглы—охваты и ощупы,
Какъ слизняки, что строятъ жемчуга,
И замыкаютъ ихъ въ свои скорлупы.

Рѣсничные для Ока берега,
Земля внизу и сверху Звѣздомлечность,
Двѣ крышки гроба, вѣки, тѣнь врага.

Мой врагъ—предѣлъ. Мой взоръ уходитъ въ Вѣчность.
Предметное—лишь вѣхи для меня.
И я смотрю, считая быстротечность.

Все шире Глазъ. Все больше въ немъ огня.
Когда жь въ кострахъ пустотъ свой путь планеты
Пройдутъ, и кругъ свершатъ ночей и дня,—

Въ одинъ объемъ содвинутся всѣ свѣты,
Все будетъ—Око, зрящее себя,
И въ пламени, гдѣ всѣ сгорятъ предметы,

Потонетъ Время, Вѣчность возлюбя.

ЛѢТОПИСЬ ЛИСТЬЕВЪ.

Когда на медленныхъ качеляхъ
  Мѣняли звѣзды свой узоръ,
И тихимъ шопотомъ, въ метеляхъ,
  Вели снѣжинки разговоръ,—
Когда отъ сѣверныхъ сіяній
  Гиганты Ночи не могли
Заснуть и ежились въ туманѣ,
  Во льдистой колющей пыли,—
Когда хрустѣніемъ сердитымъ
  Перекликались по вѣкамъ
Надъ Океаномъ ледовитымъ
  Материки къ материкамъ,—
Когда въ чертахъ тупыхъ и острыхъ
  Установились берега,
Возникъ священный полуостровъ,
  Гдѣ вѣщи до сихъ поръ снѣга.
Донынѣ зимы тамъ упорны,
  Но нѣжны помыслы весны,
И до сихъ поръ колдуютъ Норны,
  Въ часъ ворожащей тишины.

Когда, еще безъ счета, ночи
  Не отмѣчались тамъ никѣмъ,
И не былъ слышенъ смѣхъ сорочій,
  И лѣсъ безъ пѣвчихъ птицъ былъ нѣмъ.—
Когда въ молчаніи Природы
  Та пытка чувствовалась тамъ,
Что въ тѣсный мигъ вѣщаетъ роды,
  Ведетъ по узкимъ воротамъ,—
Осина, въ блѣдности невольной,
  Вдругъ вспѣла шаткою листвой,
И перепѣвомъ, крѣпкоствольный,
  Отбросилъ ясень шопотъ свой.

О чемъ два дерева шептали,
Какая тайна въ нихъ была,
Лишь знаетъ Солнце въ синей дали,
Лишь помнитъ Мѣсячная мгла.
Но ясень мужемъ сталъ могучимъ,
Осина нѣжною женой.
А въ тотъ же часъ, по чернымъ тучамъ,
Гроза летѣла вышиной.

И разорвавшіеся громы,
И переклички всѣхъ вѣтровъ,
Молніеносные изломы
Ниспали въ емкость голосовъ.
Они возникли отовсюду,
Изъ яминъ, впадинъ, и пещеръ.
Давая ходъ и волю гуду,
Мѣняя звуковой размѣръ.
Все было вскрытье льда, дрожанье,
Вся разорвалась тишина,
Отъ комаринаго жужжанья
До рева яраго слона.
А ясный мужъ смотрѣлъ, любуясь.
На синеглазую жену,
Еще не зная, не цѣлуясь.
Но весь весна, любя весну.
И былъ въ ихъ душахъ перешопотъ
И ощупь млѣющихъ огней,
Какъ будто самый дальній топотъ
Въ вѣка умчавшихся коней.

НА ОГНЕННОМЪ ПИРУ.

Когда я думаю, что предки у коня,
Въ безчисленныхъ вѣкахъ, чьи густы вереницы,
Являли странный ликъ съ размѣрами лисицы,
Во мнѣ дрожитъ восторгъ, пронзающій меня.

На огненномъ пиру творящаго Огня,
Я червь, я хитрый змѣй, я быстрокрылость птицы,
Умъ человѣка я, чья мысль быстрѣй зарницы,
Сознаніе міровъ живетъ во мнѣ, звеня.

Природа отошла отъ своего апрѣля,
Но наслоеньями записаны слова.
Мѣняется размѣръ, но пѣсня въ немъ жива.

И Божья новая еще насъ ждетъ недѣля.
Не такъ ужь далеки предъ ликомъ Божества
Акульи плавники и пальцы Рафаэля.

ОГНЕННЫЙ МІРЪ.

Тамъ факелы, огневзнесенья, пятна,
Тамъ жерла пламеносныхъ котловинъ.
Сто дней пути—расплавленный рубинъ.
И жизнь тамъ только жаркимъ благодатна.

Они горятъ и дышутъ непонятно.
Взростаетъ лѣсъ. Но пламени вершинъ
Несется токъ пылающихъ лавинъ.
Вся жизнь Огня сгущенно-ароматна.

Какъ долженъ быть тамъ силенъ ароматъ,
Когда, чрезъ милліоны верстъ оттуда,
Огонь весны душистое здѣсь чудо.

Какъ тамъ горитъ у Огнеликихъ взглядъ,
Коль даже мы полны лучей и гуда,
И даже люди, полюбивъ, горятъ.

КОТЛОВИНА.

Пожаръ—мгновенье первое Земли,
Пожаръ—ея послѣднее мгновенье.
Два кратера, въ безумствѣ столкновенья,
Несясь въ пустотахъ, новый міръ зажгли.
Въ туманной и пылающей пыли,
Размѣрныхъ вихрей началось вращенье.
И волей притяженья-отторженья
Поплыли огневые корабли.

Въ безмѣрной ямѣ жгучихъ средоточій,
Главенствующихъ силъ ядро легло,
И алымъ цвѣтомъ Солнце расцвѣло.

Планеты—дальше, съ смѣной дня и ночи.
Но будетъ часъ. Насмотрятся всѣ очи.
И всѣ планеты рушатся въ жерло.

ПРЕДѢЛЪ.

Скрипъ половицы,
Ночью безсонной,
Въ домѣ пустомъ.
Въ памяти звонной
Тлѣютъ страницы
Томъ догорѣлъ.

Мысль увидала
Тлѣніе крыши,
Рухнетъ весь домъ.
Зубы у мыши
Остры какъ жало.
Это—предѣлъ.

ВЪ РОССІИ.

1. ЛИШЬ СЪ НЕЙ.

Я былъ въ Россіи. Грачи кричали.
Весна дышала въ мое лицо.
Зачѣмъ такъ много въ тебѣ печали?
Насъ обвѣнчали. Храни кольцо.

Я былъ повсюду. Опять въ Россіи.
Опять тоскую. И снова нѣмъ.
Поля сѣдыя. Поля родныя.
Я къ вамъ вернулся. Зачѣмъ? Зачѣмъ?

Кто хочетъ жертвы? Ее несу я.
Кто хочетъ крови? Мою пролей.
Но дай мнѣ счастья и поцѣлуя.
Хоть на мгновенье. Лишь съ ней. Съ моей.

2. ОЧАРОВАНІЕ.

Внезапной дѣвушки вездѣ очарованье.
Когда я говорю предъ людною толпой,
Вдругъ вижу—дѣвушка, горящее вниманье.
И духъ мой съ нею слитъ въ пустынѣ голубой.

Я чувствую себя лишь съ ней, въ пустынѣ вольной.
Съ нежданной птицею, готовой на отлетъ.
Другъ друга видимъ мы. Весь міръ намъ путь раздольный.
Кругомъ толпа молчитъ. А въ насъ любовь поетъ.

О, если захочу быть свѣтлымъ я героемъ,
Вѣдь ты на каторгу со мной пойдешь легко.
Вѣдь вся твоя душа полна лучистымъ зноемъ.
И я съ тобой крылатъ. Мы мчимся. Высоко.

3. ДО ДНА.

Не время обвинять, и я не обвиняю,
Я просто говорю, что пусть кипитъ война,
И пусть несчастію ни мѣры нѣтъ, ни краю,
Ужь вѣдаю я все, я выпилъ ядъ до дна.

Не я ль въ младенчествѣ такъ зналъ и видѣлъ ясно,
Что я люблю отца и обожаю мать,
Но между нихъ обрывъ, и сердце безучастно,
Когда свою бѣду нельзя зачаровать.

Не я ли въ юности любилъ съ безмѣрной силой,
И та, желанная, любимаго, меня,
Низвергла съ высоты, и ангелъ шестикрылый,
Лишь ангелъ спасъ меня отъ адскаго огня.

Не я ли въ полдень свой съ несчетными сердцами
Какъ сердце говорилъ, и заглянулъ въ сердца,
Но только для того, чтобъ дни ушли за днями,
А въ сердцѣ жгучій зной и жажда безъ конца.

И кто ни побѣдитъ, побѣда будетъ наша,
Всѣмъ разумомъ моимъ враги осуждены,
Но вѣчно живъ Грааль, всегда алѣетъ чаша,
И въ жизни дѣйственна не жизнь, а только сны.

4. ВЕСЕННІЕ.

Березы и сосны,
И кедры и ели,
И ладанъ тотъ росный,
Что дышетъ въ ихъ тѣлѣ,—
Лисицы и волки,
И лось, и медвѣди,
И звонкія пчелки,
Всѣ въ ласковомъ бредѣ.
О, пышныя ели,
О, стройныя сосны,
Вѣтрамъ вы свирѣли,
Вы всѣ свѣтоносны.
О, кедры, вы мудры,
И пѣсня вамъ спѣта,
И вы златокудры,
Игранія свѣта.
Я видѣлъ, какъ бѣлка
Хвостомъ колдовала,
Чтобъ въ рѣчкѣ, гдѣ мелко,
Вода прибывала.
И въ лѣсѣ, гдѣ чащи
Весною зелены,

Все чаще и чаще
Цвѣли анемоны.
Межъ синихъ фіалокъ
Еще не простыя,
Отъ солнечныхъ прялокъ,
Цвѣли золотыя.
И лютикъ, что жаркимъ
Въ Сибири зовется,
Былъ пышнымъ и яркимъ,
Здѣсь лучъ его льется.
И капля росинки,
Качаясь на травкѣ,
Вдругъ стала травинкѣ
Головкой булавки.
И вся заиграла
Для радости глаза.
Мерцаньемъ опала,
Горѣньемъ алмаза.
Какъ дымка блестѣла,
Играя и тая,
И къ Богу летѣла
На выси Алтая.

5. ПРОЩАНІЕ.

Меня встрѣчали. Меня вѣнчали.
Сердца горѣли среди цвѣтовъ.
Зачѣмъ такъ много во мнѣ печали?
Обвѣнчанъ съ грустью на рядъ годовъ.

Самъ говорилъ я, что свѣтлымъ богомъ,
Что яркимъ Солнцемъ возможно быть.
Я пѣлъ влюбленный. Я шелъ чертогомъ.
Учило сердце любовь любить.

Но свѣтъ мой свѣтитъ сквозь мглу страданья.
Мнѣ вновь дорога въ далекій край.
Прости. Такъ должно. Когда свиданье?
Я самъ не знаю. Теперь, прощай.

А. БЛОКЪ.

ИЗЪ ЦИКЛА «СѢДОЕ УТРО».

Какъ растетъ тревога къ ночи!
Тихо, холодно, темно.
Совѣсть мучитъ, жизнь хлопочетъ.
На луну взглянуть нѣтъ мочи
Сквозь морозное окно.

Что-то въ мірѣ происходитъ.
Утромъ страшно мнѣ раскрыть
Листъ газетный. Кто-то хочетъ
Появиться, кто-то бродитъ.
Иль—раздумалъ, можетъ быть?

Гость безсонный, полъ скрыпучій?
Ахъ, не все ли мнѣ равно!
Вновь сдружусь съ кабацкой скрипкой,
Монотонной и пѣвучей!
Вновь я буду пить вино!

Все равно, не хватитъ силы
Дотащиться до конца
Съ трезвой, лживою улыбкой,
За которой—страхъ могилы,
Безпокойство мертвеца.

РАЗМЫШЛЕНІЯ.

1.

Какъ тяжело ходить среди людей
И притворяться непогибшимъ,
И объ игрѣ трагической страстей
Повѣствовать еще нежившимъ.

И, вглядываясь въ свой ночной кошмаръ,
Строй находить въ нестройномъ вихрѣ чувства,
Чтобы по блѣднымъ заревамъ искусства
Узнали жизни гибельный пожаръ.

2.

Кольцо существованья тѣсно:
Какъ всѣ пути приводятъ въ Римъ,
Такъ намъ заранѣе извѣстно,
Что все мы рабски повторимъ.

И мнѣ, какъ всѣмъ, все тотъ же жребій
Мерещится въ грядущей мглѣ:
Опять—любить Ее на небѣ
И измѣнить Ей на землѣ.

* * *

Рожденные въ года глухіе —
Пути не помнятъ своего.
Мы, дѣти страшныхъ лѣтъ Россіи,
Забыть не въ силахъ ничего.

Испепеляющіе годы!
Безумья—ль въ васъ, надежды ль вѣсть?
Отъ дней войны, отъ «дней свободы» —
Кровавый отсвѣтъ въ лицахъ есть.

Есть нѣмота—то гулъ набата
Заставилъ заградить уста.
Въ сердцахъ, восторженныхъ когда-то,
Есть роковая пустота...

И пусть надъ нашимъ смертнымъ ложемъ
Взовьется съ крикомъ воронье.—
Тѣ, кто достойнѣй, Боже, Боже,
Да узрятъ Царствіе Твое!

* * *

Петроградское небо мутилось дождемъ,
    На войну уходилъ эшелонъ.
Безъ конца—взводъ за взводомъ и штыкъ за штыкомъ
    Наполнялъ за вагономъ вагонъ.

Въ этомъ поѣздѣ тысячью жизней цвѣли
    Боль разлуки, тревоги любви.
Сила, юность, надежда... Въ закатной дали
    Были дымныя тучи въ крови.

И, садясь, запѣвали «Варяга» одни,
    А другіе—не въ ладъ—«Ермака»,
И кричали ура, и шутили они,
    Ротъ смѣялся, крестилась рука.

Вдругъ подъ вѣтромъ взлетѣлъ опадающій листъ,
    Раскачнувшись, фонарь замигалъ.
И подъ черною тучей веселый горнистъ
    Заигралъ къ отправленью сигналъ.

И военною славой запѣлъ тотъ рожокъ,
    Наполняя тревогой сердца.
Громыханье колесъ и охрипшій свистокъ
    Заглушило ура безъ конца.

Ужъ послѣдніе скрылись во мглѣ буфера,
    И сошла тишина до утра,
А съ дождливыхъ полей все неслось къ намъ ура,
    Въ грозномъ кликѣ звучало: Пора!

Нѣтъ, намъ не было грустно, намъ не было жаль,
    Несмотря на дождливую даль,
Это—ясная, твердая, вѣрная сталь,
    И нужна ли ей наша печаль?

Эта жалость—ее заглушаетъ пожаръ,
    Громъ орудій и топотъ коней.
Грусть—ее застилаетъ отравленный паръ
    Съ Галицiйскихъ кровавыхъ полей.

С. БОБРОВЪ.

СУДЬБА СТИХА.

К. А. Большакову.

Каждый стихъ, отплывая, тонетъ
Въ разгнѣванныхъ полдневныхъ парахъ,
Полдень лучъ распаленный гонитъ и стонетъ,
Испаряя маленькій прахъ.

Каждый стихъ, отплывая, гибнетъ
Въ равнодушную прорубь луны,
Она его не отринетъ,
Сѣть мертвой, жестокой волны.

Вы же, легкіе колоссы—звѣзды,
Вы встрѣчаете радостно его!
И стиховъ налитые грозди
Не отниметъ у васъ никто.

Вы единое мѣрите сердце
Равномѣрнымъ вашимъ лучомъ,—
И родного привѣтите стрѣльца вы
Въ несравненный эѳирный домъ.

Рюрику Ивневу.

Нѣтъ тоски, какой я не видалъ.

Сердце выходитъ на бѣлую поляну:
Сѣть травъ, переступь дубовъ,
Бѣгъ кленовъ.
Темный лѣсъ кровъ; ждать не стану.

Когда раненый бѣжитъ невесело,
Сердце, выдь, выдь ему на дорогу;
Здѣсь окончится перекрестокъ;
Тихо проходитъ лѣсъ,
Пашни не спѣшатъ
Отъ струй рѣкъ.

К. Г. Локсу.

Духъ вольный легко вѣетъ,
Улыбка міра, Нальчикъ!
Ты нѣжнѣе глазъ синихъ,
Мудрыхъ ущелій тайникъ.

На тоненькомъ стеблѣ
Выростаетъ онъ надъ Кабардой;
Вихрь съ горъ, свистунъ сладчайшій,
Плащами ударяетъ тѣло.

Небесные звѣри
Ложатся къ тебѣ на плечи.
Улыбка міра!—
Горный царевичъ.

12. VIII. 915.
Нальчикъ.

В. БРЮСОВЪ.

ОЖЕРЕЛЬЕ.

Руки, вѣчно молодыя,
Мигъ не смѣя пропустить,
Бусы нижутъ золотыя
На серебряную нить.

Жемчугъ крупный, жемчугъ малый
Нижутъ съ утра до утра,
Жемчугъ желтый, жемчугъ алый
Бѣлой нитью серебра.

Кто вы, радостныя парки,
Вы работницы судебъ?
Нити пестры, нити ярки,
Въ бѣломъ блескѣ я ослѣпъ.

Не моя ли жизнь—тѣ нити?
Жемчугъ—женскія сердца?
Парки вѣщія, нижите
Яркій жемчугъ до конца!

Выбирайте, подбирайте
Жемчугъ крупный и простой,
Кругъ жемчужный завершайте
Быстро-нижущей иглой!

Нить почти полна! немножко
Остается бусъ,—и вотъ
Золоченая застежка
Ожерелье,—Смерть.—замкнетъ.

ЛѢТОМЪ 1912 г.

Пора сознаться! я—не молодъ; скоро сорокъ.
Уже не молодость, не вся ли жизнь прошла
Что впереди? обрывъ иль спускъ? но, общій ворогъ,
Стоитъ старуха-смерть у каждаго угла.
Я жилъ, искалъ усладъ, и правыхъ и неправыхъ,
Мнѣ сны безумные нашептывала страсть.
Губами припадалъ ко всѣмъ земнымъ отравамъ,
Я зналъ, какъ радуетъ, какъ опьяняетъ власть.
Межъ мукъ и радостей, творимыхъ и случайныхъ,
Я, въ лабиринтѣ дней ища упорно путь,
Порой тонулъ мечтой въ предвѣчно-страшныхъ тайнахъ
И въ хаосъ истины порой умѣлъ взглянуть.
Я дрожь души своей, ее вмѣщая въ звукахъ,
Сумѣлъ на рядъ вѣковъ побѣдно сохранить,
И долго межъ людей, въ своихъ мечтахъ и мукахъ,
Въ своихъ живыхъ стихахъ, какъ фениксъ, буду жить.
И въ длинномъ перечнѣ, гдѣ Данте, гдѣ Вергилій,
Гдѣ Гете, Пушкинъ, гдѣ рядъ дорогихъ именъ,
Я имя новое вписалъ, чтобъ вѣчно жили
Преданья обо мнѣ, идя сквозь строй временъ.

Загадку новую я задалъ для столѣтій,
На высяхъ, какъ маякъ, зажегъ мечту свою...
Объ чемъ же мнѣ жалѣть на этомъ бѣдномъ свѣтѣ?
Иду безъ трепета и безъ тревогъ стою.
Взмахни своей косой, ты, старая! Быть можетъ,
Ты заждалась меня, но мнѣ—мнѣ все равно.
Въ часъ роковой меня твой голосъ не встревожитъ:
Довольно думано! довольно свершено!

ТУМАНЪ ОСЕННІЙ.

Туманъ осенній струится грустно
надъ сѣрой далью нагихъ полей,
И сумракъ тусклый, спускаясь съ неба,
надъ міромъ виснетъ все тяжелѣй.

Туманъ осенній струится грустно
надъ сѣрой далью въ нѣмой тиши,
И сумракъ тусклый какъ будто виснетъ
надъ темнымъ міромъ моей души.

Какъ будто ветлы стоятъ надъ рѣчкой,
какъ будто призракъ дрожитъ близъ нихъ...
Иль только клубы дрожатъ тумана
надъ сѣрой далью полей нагихъ?

Какъ будто птица, качая крылья,
одна мелькнула въ нѣмой тиши...
Иль только призракъ мелькнулъ былого
надъ темнымъ міромъ моей души?

Здѣсь было солнце! здѣсь были нивы!
здѣсь громкій говоръ жнецовъ не тихъ!
Я помню счастье, и поцѣлуи,
и мной пропѣтый звенящій стихъ!

Туманъ осенній, плывущій грустно
надъ сѣрой далью нагихъ полей,
Свое безстрастье, свое дыханье,
свое молчанье въ меня пролей!

Und mein Stamm sind jene Asra
Welche sterben, wenn sie lieben.
H. Heine.

Я помню легкія пиластры
Закатныхъ облаковъ въ огнѣ,
Когда, со мной цѣлуя астры,
Ты тихо прошептала мнѣ:
«И я, и я—изъ рода азровъ!»

Я помню бредъ безумной ночи,
Бредъ клятвъ, и ласкъ, и слезъ, и мукъ,
Когда, вперивъ въ молчаньи очи,
Ты повторила, съ хрустомъ рукъ:
«И я, и я—изъ рода азровъ!»

И помню я твой взглядъ застывшій
. . . .
И въ этотъ мигъ, какъ мечъ губившій,
Твои слова я вспомнилъ вновь:
Да, ты была изъ рода азровъ!

И никогда къ тебѣ, волнуемъ
Желаньемъ, не прильну безъ словъ!
Ты не коснешься поцѣлуемъ
Моихъ сѣдѣющихъ висковъ!
Да, ты была изъ рода азровъ!

И не смотрѣть намъ на пиластры
Вечернихъ облаковъ въ огнѣ,
И ты, со мной цѣлуя астры,
Не повторишь мнѣ, какъ во снѣ:
«И я, и я—изъ рода азровъ!»

913.

КРУГИ НА ВОДѢ.

Отъ камня, брошеннаго въ воду,
Далеко ширятся круги,
Народъ передаетъ народу
Проклятый лозунгъ: «мы—враги!»

Племенъ враждующихъ не числи:
Круги бѣгутъ, имъ нѣтъ числа:
Въ лазурной Марнѣ, въ желтой Вислѣ
Влачатся чуждыя тѣла.

Въ святыхъ просторахъ Палестины
Уже звучатъ шаги войны:
Въ Анголѣ дѣвственной—долины
Ея стопой потрясены;

Безлюдные утесы Чили
Оглашены глухой пальбой,
И воды Пе-че-ли покрыли
Флотъ не отважившійся въ бой.

Вездѣ—вражда! гдѣ райской птицы
Воздушный зыблется полетъ,
Гдѣ въ джунгляхъ страшенъ стонъ тигрицы,
Гдѣ землю давитъ бегемотъ.

Въ чудесныхъ баснословныхъ странахъ
Визгъ пуль и пушекъ ровный ревъ,
Повязки бѣлыя на ранахъ
И пятна красныя крестовъ!

Внимая дальнему удару,
Встаютъ народы, какъ враги,
И по всему земному шару
Бѣгутъ и ширятся круги.

окт. 1914.
Варшава.

О САМОМЪ СЕБѢ *).

Хвала вамъ, девяти каменамъ.
Пушкинъ.

Когда мечты любви томили
На утрѣ жизни,—нѣжа ихъ,
Я, въ дѣтской книгѣ «Ювенилій»,
Влилъ ранній опытъ въ робкій стихъ.

Мечту потомъ плѣнили дали:
Японскій штрихъ, французскій севръ,
Все то, объ чемъ вѣка мечтали,—
Чтобъ ожилъ міръ былой—въ «Chefs d'Oeuvre».

---

*) Авторъ послѣдовательно издавалъ сборники стиховъ подъ заглавіями: «Juvenilia»», Chefs d'Oeuvre», «Me eum esse» (Это я), «Tertia Vigilia» (Третья Стража), «Urbi et Orbi» (Граду и Міру), «Stephanos» (Вѣнокъ), «Всѣ напѣвы», «Зеркало Тѣней», «Семь Цвѣтовъ Радуги», «Девятая Камена».

И, трепетъ неземныхъ предчувствій
Средь книгъ и бѣглыхъ встрѣчъ тая,
Я крылій снамъ искалъ въ искусствѣ
И назвалъ книгу: «Это—я!»

Но часъ насталъ для «Третьей Стражи».
Я, въ шумѣ улицъ, понялъ власть
Встающихъ въ городѣ миражей,
Твоихъ, звенящихъ, зововъ, страсть!

Извѣдавъ мглы блаженствъ и скорби,
Побѣды пьяность, смертный страхъ,
Я могъ надменно «Urbi et Orbi»
Пѣть гимнъ въ увѣренныхъ стихахъ.

Когда жъ въ великихъ катастрофахъ
Нашъ край дрожалъ, и кликалъ Рокъ,—
Вѣнчая жизнь въ пѣвучихъ строфахъ,
Я на себя взложилъ «Вѣнокъ».

Въ тѣ дни и юноши и дѣвы
Привѣтомъ встрѣтили пѣвца,
А я слагалъ имъ «Всѣ напѣвы»,
Плѣняя, тайной словъ, сердца.

Но, не уставъ искать, спокойно,
Я озиралъ сцѣпленья дней,
Чтобъ предъ людьми, въ оправѣ стройной,
Поставить «Зеркало Тѣней».

Я ждалъ себѣ одной награды,—
Предаться вновь влеченью сновъ,
И славить міра всѣ услады
И «Радуги» всѣ «семь цвѣтовъ»!

4

Но громъ взгремѣлъ. Молчать—измѣна.
До дна взволнованъ мой народъ....
Ужель «Девятая Камена»
Побѣдныхъ пѣсенъ не споетъ?

А вслѣдъ? Конецъ ли долгимъ смѣнамъ?
Предѣлъ блужданьямъ столькихъ лѣтъ?
«Хвала вамъ, девяти каменамъ!»
Но путь укажетъ Мусагетъ!

Мартъ 1917.

УЧЕНИКЪ ОРФЕЯ.

Я всюду цѣпи строфъ лелѣялъ,
Я вѣтру вслухъ твердилъ стихи,
Чтобъ онъ въ степи ихъ, взвивъ, развѣялъ,
Гдѣ спятъ, снамъ вѣря, пастухи;

Просилъ у эхо риѳмъ отвѣтныхъ,
Въ ущельяхъ горъ, въ тиши яйлы;
Искалъ чередъ вѣнковъ сонетныхъ
Въ прибоѣ, бьющемъ въ молъ валы;

Ловилъ въ немолчномъ шумѣ моря
Метръ тѣхъ своихъ живыхъ балладъ,
Гдѣ ласку счастья, жгучесть горя
Вложить въ античный миѳъ былъ радъ;

Въ столичномъ грозномъ гулѣ, тоже,
Когда гремя, звеня, стуча,
Играетъ Городъ въ жизнь,—прохожій,—
Я брелъ, напѣвъ стиховъ шепча:

Гудки авто, звонки трамвая,
Стукъ, топотъ, ропотъ, бѣгъ колесъ,—
Въ поэмы страсти, въ пѣсни мая
Вливали смутный лепетъ грезъ.

Всѣ звуки жизни и природы
Я облекать въ размѣръ привыкъ:
Плескъ рѣчекъ, громъ, свистъ непогоды,
Трескъ ружей, баррикадный крикъ.

Вездѣ я шелъ, незримо лиру
Держа, и властью струнъ хранимъ;
Какъ вѣрный рабъ, готовя міру
Свой новый гимнъ, и счастливъ имъ!

Орфей, сынъ бога, мой учитель,
Межъ тигровъ такъ когда-то пѣлъ...
Я съ пѣсней въ Адову обитель,
Какъ онъ, сошелъ бы, гордъ и смѣлъ.

Но дикимъ крикомъ гимнъ Менады
Покрыли, сбили лавръ вѣнца;
Взвивъ тирсы, рвали безъ пощады
Грудь, въ Адъ сходившаго пѣвца.

Такъ мнѣ ль осилить взвизгъ трамвайный,
Вопль моторовъ, ревъ толпъ людскихъ?
Жду, на какой строфѣ случайной
Я, съ жизнью, оборву свой стихъ!

1918. 20 (7) февр.

ULTIMA THULE.

Гдѣ океанъ, вѣкъ за вѣкомъ, стучась о граниты,
Тайны свои разглашаетъ въ задумчивомъ гулѣ,
Высится островъ, давно моряками забытый,—
Ultima Thule.

Вымерли конунги, здѣсь что царили когда-то.
Ихъ корабли у чужихъ береговъ затонули.
Грозно безлюдье вокругъ, и молчаньемъ объята
Ultima Thule.

Даже и птицы чуждаются хмурыхъ прибрежій,
Гдѣ и тюлени на камняхъ не дремлютъ въ іюлѣ.
Гдѣ и киты проплываютъ все рѣже и рѣже...
Ultima Thule!

Островъ, гдѣ нѣтъ ничего и гдѣ все только было.
Краемъ желаннымъ ты кажешься мнѣ потому ли?
Властно къ тебѣ я влекомъ неизвѣданной силой,
Ultima Thule.

Пусть на твоихъ плоскогорьяхъ я буду единымъ!
Я посѣщу рядъ могилъ, гдѣ герои уснули,
Я поклонюсь твоимъ древнимъ, угрюмымъ руинамъ,
Ultima Thule.

И, какъ король, что въ безсмертной балладѣ помянутъ,
Брошу свой кубокъ съ утеса, въ добычу акулѣ!
Канетъ онъ въ безднѣ, и съ нимъ всѣ желанія канутъ...
Ultima Thule.

ВЪ АПЕННИНАХЪ.

Поэзія темна, въ словахъ невыразима.
Какъ взволновалъ меня вотъ этотъ дикій скатъ,
Пустой кремнистый долъ, загонъ овечьихъ стадъ,
Пастушескій костеръ и горькій запахъ дыма!

Тревогой странною и радостью томимо,
Мнѣ сердце говоритъ: «Вернись, вернись назадъ!»
Дымъ на меня пахнулъ какъ сладкій ароматъ,
И съ завистью, съ тоской я проѣзжаю мимо.

Поэзія не въ томъ, совсѣмъ не въ томъ, что свѣтъ
Поэзіей зоветъ. Она въ моемъ наслѣдствѣ.
Чѣмъ я богаче имъ, тѣмъ больше я поэтъ.

Я говорю себѣ, почуявъ темный слѣдъ
Того, что пращуръ мой воспринялъ въ древнемъ дѣтствѣ:
— Нѣтъ въ мірѣ разныхъ душъ и времени въ немъ нѣтъ!

КАДИЛЬНИЦА.

Въ горахъ Сициліи, въ монастырѣ забытомъ,
По храму темному, по выщербленнымъ плитамъ,
Въ разрушенный алтарь пастухъ меня привелъ,
И увидалъ я тамъ: стоитъ нагой престолъ,

А передъ нимъ, въ пыли, могильно-золотая,
Давно потухшая, давнымъ-давно пустая,
Лежитъ кадильница—вся черная внутри
Отъ угля и смолы, пылавшихъ въ ней когда-то...

Ты, сердце, полное огня и аромата,
Не забывай о ней. До черноты сгори.

У ГРОБНИЦЫ ВИРГИЛІЯ, ВЕСНОЙ.

Дикій лавръ, и плющъ, и розы,
Дѣти, тряпки по дворамъ
И коричневыя козы
Въ сорныхъ травахъ по буграмъ,

Безъ границы и безъ края
Моря вольные края...
Вѣрю—зналъ ты, умирая,
Что твоя душа—моя.

Зналъ поэтъ: опять весною
Будетъ смертному дано
Жить отрадою земною,
А кому—не все ль равно!

Запахъ лавра, запахъ пыли,
Теплый вѣтеръ... Счастливъ я,
Что моя душа, Виргилій,
Не моя и не твоя.

БѢГСТВО ВЪ ЕГИПЕТЪ.

По лѣсамъ бѣжала Божья Мать,
Куньей шубкой запахнувъ Младенца.
Стлалось въ небѣ Божье Полотенце,
Чтобы ей не сбиться, не плутать.

Холодна, морозна ночь была,
Дива дивьи въ эту ночь творились:
Волчьи очи зеленью дымились,
По кустамъ сверкали безъ числа.

Двѣ сѣдыхъ медвѣдицы въ лугу
На дыбахъ боролись въ ярой злобѣ,
Грызлись, бились и мотались обѣ,
Тяжело топтались на снѣгу.

А въ дремучихъ заросляхъ, впотьмахъ,
Жались, табунились и дрожали,
Бѣлымъ паромъ изъ вѣтвей дышали
Звѣри съ бородами и въ рогахъ.

И огнемъ вставалъ за лѣсомъ Мечъ
Ангела, летѣвшаго къ Сіону,
Къ золотому Иродову трону,
Чтобъ главу на Иродѣ отсѣчь.

ДАЛЬ.

Лиманъ пескомъ отъ моря отдѣленъ.
Когда садится солнце за лиманомъ,
Песокъ бываетъ ярко позлащенъ.

Онъ весь въ рыбалкахъ. Бѣлымъ караваномъ
Стоятъ онѣ на грани водъ,—на той,
Откуда вѣетъ волей, океаномъ.
Въ лазури неба, ясной и пустой,
Та грань чернѣетъ синью вороненой
Изъ-за косы песчано-золотой.
И вотъ, я слышу ропотъ отдаленный:
Навстрѣчу крѣпкой свѣжести воды,
Вдыхая вѣтеръ, вольный и соленый,
Вдругъ зашумѣли бѣлые ряды
И стоя машутъ бѣлыми крылами...
Земля, Земля! Несчетные слѣды
Я на тебѣ оставилъ: я годами
Блуждалъ въ твоихъ пустыняхъ и моряхъ,
Я мѣрилъ неустанными стопами
Твой, всюду дорогой для сердца, прахъ,
Но нѣтъ, во вѣкъ не утолю я муки—
Любви къ Тебѣ! Какъ чайки на пескахъ,
Опять впередъ я простираю руки!

Д. БУРЛЮКЪ.

Посвящено
Маріи Самойловнѣ Цетлинъ.

Играютъ старой башнѣ дѣти.
Тамъ былъ когда-то арсеналъ,
И грудѣ хлама часто встрѣтить
Шеломы, панцыри, кинжалъ.

На нихъ раскрыта паутины
(Зимъ корабельная) душа
И (сказка осени картинной)
Дамаскостали дряхлость ржа,

Для дѣтской вѣтреной утѣхи
Юнцамъ осталося любить
Перержавевшіе доспѣхи....

Вѣковъ ушедшую серьезность,
Вершителей угасшихъ быть,
Владычество, коварство, грозность.

ПРИКАЗЪ.

Заколите всѣхъ телятъ
Аппетиты утолять
Изрубите дерева
На горючія дрова
Изсушите рѣчекъ воды
Подъ рукой и далекѣ,
Требушите неба своды
Разъяренномъ гопакѣ
Загасите всѣ огни
Яснымъ радостямъ сродни
Потрошите неба своды
Озвѣрѣвшіе народы!...

Московскій уѣздъ.
1914 г.

А. БѢЛЫЙ.

ТАНКА.

Свѣтлы, легки лазури...
Онѣ—черны: безъ дна;
Тамъ—міровыя бури...
Такъ жизни тишина:
Она, какъ ночь, черна.

Дорнахъ.
1916.

ЗА ЧТО?

На насъ тѣла, какъ клочья пѣсни спѣтой...
Въ небытіе
Свисаетъ гдѣ-то мертвенной планетой
Все существо мое.

Въ слѣпыхъ тѣлахъ, въ глухорожденномъ слухѣ—
Кричатъ тѣла.
Безпламенные, каменные духи!
Безпламенная мгла!

Зачѣмъ простеръ на тверди оледѣлой
Свои огни
Разбитый духъ—въ разорванное тѣло,
Въ безсмысленные дни?

Зачѣмъ, за что въ гнетущей, въ грозной гари
Въ растущій громъ
Мы—мертвенныя, мертвенныя твари—
Безжертвенно бредемъ?

АСѢ.

Уже блѣднѣй въ настѣнныхъ тѣняхъ
Свѣчей стекающихъ игра.
Ты, цѣпенѣя, на колѣняхъ
Въ неизреченномъ—до утра.

Тепломъ изъ сердца выростая,
Тобой, какъ солнцемъ, облеченъ,
Тобою солнечно блистая:
Въ тебѣ передъ тобою—Онъ.

Ты—отдана небеснымъ нѣгамъ
Иной, безвременной весны:
Лазурью, пурпуромъ и снѣгомъ
Твои черты освѣтлены.

Ты вся, какъ ландышъ легкій, чистый...
Улыбки милой лучъ разлитъ.
Смѣхъ бархатистый, смѣхъ душистый
И—воздухъ розовый ланитъ.

О, да—никто не понимаетъ,
Что выражаетъ твой нарядъ,
Что будитъ, тайно открываетъ
Твой брошенный, блаженный взглядъ.

Любви неизреченной знанье
Во влажныхъ, ласковыхъ глазахъ.
Весны безвременной сіянье
Въ алмазно зрѣющихъ слезахъ.

Лазурнымъ утромъ въ снѣгѣ таломъ
Живой алмазникъ засвѣтленъ,
Но для тебя въ алмазѣ таломъ
Блистаетъ алымъ солнцемъ—Онъ.

Москва.
1916.

* * *

Мы—ослѣпленные, пока въ душѣ не вскроемъ
Иныхъ міровъ знакомое зерно—
Въ моей груди отражено оно.
И вотъ—зажгло: знакомымъ, грознымъ зноемъ.

И вспыхнула, и освѣтилась мгла.
Все вспомнилось—не поднялось вопроса:
Въ какія-то кипящія колеса
Душа моя, расплавясь, протекла.

Арлесгеймъ.
1914.

РОДИНѢ.

Въ годины праздныхъ испытаній,
Въ годины мертвой суеты,—
Затверденѣй алмазомъ брани
Въ перегорѣвшихъ угляхъ—Ты.

Возстань—въ сердцахъ, сердца—исполни!
Произрастай нашъ край родной
Неопалимой блескомъ молній
Неодолимой Купиной.

Изъ моря слезъ, изъ моря муки
Твоя судьба—видна, ясна;
Ты простираешь ввысь, какъ руки,
Свои святыя пламена—

Туда—въ развалы грозной Эры
И въ визгъ космическихъ стихій,—
Туда—въ свѣтлѣющія сферы,
Въ грома летящихъ іерархій.

Москва.
Ноябрь 1916.

* * *

Есть въ лѣтѣ что-то роковое, злое...
И—въ воѣ злой зимы...
Волненіе, кипѣніе мірское!
Плѣненные умы!

Всѣ грани чувствъ, всѣ грани правды стерты:
Въ мірахъ, въ годахъ, въ часахъ—
Одни тѣла, тѣла, простерты...
И—праздный прахъ.

Въ грядущее проходимъ—строй за строемъ—
Рабы: безъ чувствъ, безъ душъ...
Грядущее, какъ прошлое, покроемъ
Лишь грудой тушъ.

Въ мятежъ міровъ—въ немаревныя муки
Когда-то спасшій насъ,
Простри жъ и Ты измученныя руки,—
Въ который разъ!

Москва.
1916.

М. ВОЛОШИНЪ.

ВЪ ЭТИ ДНИ.

Посв. И. Эренбургу.

Въ эти дни великихъ шумовъ ратныхъ
И побѣдъ пылающихъ вдали
Я плѣненъ въ пространствахъ безвозвратныхъ
Оголтѣлой, стынущей земли.

Въ эти дни не спазмой трудныхъ родовъ
Схваченъ духъ; внутри разодранъ онъ
Яростью сгрудившихся народовъ,
Ужасомъ разъявшихся временъ.

Въ эти дни нѣтъ ни врага, ни брата:
Всѣ во мнѣ, и я во всѣхъ; одной
И одна—тоскою плоть объята
И горитъ сама къ себѣ враждой.

Въ эти дни безвольно мысль томится,
А молитва стелется, какъ дымъ.
Въ эти дни душа больна однимъ
Искушеніемъ—развоплотиться.

5. 11. 1915.
Парижъ.

ЛЕВІАѲАНЪ.

«Сердце его твердо, какъ камень, и жестоко, какъ нижній жерновъ... На все высокое онъ смотритъ смѣло. Онъ царь надо всѣми сынами гордости».

Книга Іова XLI.

«Множество, соединенное въ одномъ лицѣ, именуется государствомъ—civitas. Таково происхожденіе Левіаѳана; говоря почтительнѣе,—этого смертнаго бога».

Hobbes «Levtathan».

Мнѣ—Іову сказалъ Господь:

«Смотри:

Вотъ царь звѣрей, всѣхъ тварей завершенье
— Левіаѳанъ. Тебѣ разверзну зрѣнье,
Чтобъ видѣлъ ты, какъ внѣ, такъ и внутри
Частей его согласное строенье,
И славилъ правду мудрости моей».

И вотъ, какъ материкъ, изъ бездны пѣнной,
Взмывъ Океанъ, поднялся Звѣрь Звѣрей,
Чудовищный, свирѣпый, многочленный...
Въ звѣриныхъ нѣдрахъ глазъ мой различалъ
Тяжелыхъ жернововъ круговращенье,
Вихрь лопастей, мерцанія зеркалъ,
И бѣглый огнь, и молній излученье.

«Онъ въ день седьмой былъ мною сотворенъ»,
Сказалъ Господь: «Всѣ жизни отправленья
Въ немъ дивно согласованы. Лишенъ

Сознанія—онъ весь пищеваренье.
Все человѣчество извѣчно включено
Въ сплетенье жилъ на древѣ кровеносномъ
Его хребта, и движетъ въ немъ оно
Великій жерновъ сердца. Тусклымъ, косным
Его ты видишь. Рдяною рѣкой
Струится свѣтъ, мерцающій въ огромныхъ
Чувствилищахъ; а глубже—въ безднахъ темныхъ
Зіяетъ голодъ вѣчною тоской.
Чтобъ въ этихъ нѣдрахъ медленныхъ и злобныхъ
Любовь и мысль таинственно воззвать,
Я сотворю существъ ему подобныхъ
И дамъ имъ власть другъ друга пожирать».

И видѣлъ я, какъ бездна Оксана
Извергла въ міръ голодныхъ спрутовъ рать:
Вскипѣла хлябь и сдѣлалась багряна.
Я жъ день рожденья началъ проклинать
И говорилъ:

«Зачѣмъ меня сознаньемъ
Ты въ этой тьмѣ кромѣшной озарилъ
И духъ живой, вдохнувъ въ меня дыханьемъ,
Дозволилъ стать рабомъ бездушнымъ силъ.
Быть слизью жилъ, бродиломъ соковъ чревныхъ
Въ кишкахъ чудовища?»

Въ раскатахъ гнѣвныхъ
Изъ бури отвѣчалъ Господь:

«Кто ты,
Чтобъ вѣсить міръ вѣсами суеты
И смыслъ хулить моихъ предначертаній?
Весь прахъ, вся плоть посѣянные мной
Не станутъ ли чистѣйшимъ изъ сіяній,
Когда Любовь растопитъ міръ земной?
Сихъ косныхъ тѣлъ алканіе и злоба
Лишь первый шагъ къ пожарищамъ любви.

Я самъ въ тебя сошелъ, какъ въ нѣдра гроба,
Я самъ огнемъ томлюсь въ твоей крови.
Какъ я—тебя, такъ ты взыскуешь землю.
Сгорая—жги. Замкнутый въ гробъ—живи.
Такимъ мой міръ пріемлешь ли?» —
«Пріемлю».

9. XII. 1915.
Парижъ.

НАДЪ ПОЛЯМИ АЛЬЗАСА.

Ангелъ непогоды
Пролилъ огнь и громъ,
Напоивъ народы
Яростнымъ виномъ.

Средь земныхъ безлюдій
Тишина гудитъ
Грохотомъ орудій,
Топотомъ копытъ.

Преклоняя ухо
Въ глубь души внемли.
Какъ вскипаетъ глухо
Желчь и кровь земли.

Сентябрь 1914 г.
Дорнахъ.

* * *

Теперь я мертвъ. Я сталъ строками книги
Въ твоихъ рукахъ...
И сняты съ плечъ твоихъ любви вериги,
Но жгучъ мой прахъ.

Меня отнынѣ можно въ часъ тревоги
    Перелистать,
Но сохранятъ всегда твои дороги
    Мою печать.
Похоронилъ я самъ себя въ гробницы
    Стиховъ моихъ,
Но вслушайся—ты слышишь пѣнье птицы?
    Онъ живъ—мой стихъ!
Не отходи смущенной Магдалиной—
    Мой гробъ не пустъ...
Коснись единый разъ на мигъ единый
    Устами устъ.

ДЕМОНЫ ГЛУХОНѢМЫЕ.

«Кто такъ слѣпъ, какъ рабъ мой, и глухъ, какъ вѣстникъ мой—Мною Посланный?»

Они проходятъ по землѣ
Слѣпые и глухонѣмые,
И чертятъ знаки огневые
Въ распахивающейся мглѣ.

Собою бездны озаряя,
Они не видятъ ничего,
Они творятъ, не постигая
Предназначенья своего.

Сквозь дымный сумракъ Преисподней
Они кидаютъ вѣщій лучъ...
Ихъ судьбы—это Ликъ Господній
Во мракѣ явленный изъ тучъ.

А. ГЕРЦЫКЪ.

РАЗЛУКА.

Постой на мигъ. Разстанемся сейчасъ.
Еще мы близки. Я твоя подруга.
Дай руку мнѣ. Какъ натянулась туго,
Та жалость тонкая, что вяжетъ насъ!

И нынѣ, какъ всегда, въ послѣдній разъ,
И нѣтъ конца, нѣтъ выхода изъ круга,
И знать нельзя, чѣмъ кончится разсказъ?
Зачѣмъ нужны мы были другъ для друга?

Свою ли боль, тебя ли я любила?
Кругомъ пустыня,—не взростетъ могила,
Гдѣ скорбной мглою дышитъ тихій садъ.

Еще рука трепещетъ, умирая,
А полые зрачки ужъ вдаль глядятъ,
Пустынныя пространства измѣряя.

СПОКОЙСТВІЕ.

Полусафическія строфы.

Ты меня спросилъ, отчего такъ мало
У меня огня и тоски любовной,
Отчего мой голосъ звучитъ такъ ровно?
    Гдѣ его жало?

Я сама хотѣла любви мятежной,
Чтобъ во встрѣчахъ, взглядахъ зажглось волненье,
Но умѣю только просить прощенье
    Ласкою нѣжной.

Я не разъ искала себѣ услады,
Я любимое надѣвала платье,
Но чуть вспыхнетъ зарево, въ мигъ объятья
    Встанетъ пощада.

Станетъ жалко такъ и себя и друга.
Какъ помочь потомъ въ неотвязной мукѣ?
Погасить огонь и, разжавши руки,
    Выйти изъ круга.

Ты спросилъ меня, другъ, а я не знала,
Но теперь я знаю, что все—едино.
Растеклась любовь, затопивъ равнины,
    —И нѣтъ кристалла.

L'IMPRÉVISIBILITÉ.

Изъ цикла «Молчанія».

По слову извѣчно Сущаго,
Безсмѣненъ потокъ временъ.
    Чую лишь вѣтеръ грядущаго,
    Новаго Мига звонъ.

Съ паденьемъ идетъ, съ побѣдою?
Оливу несетъ, иль мечъ?
    Лика его я не вѣдаю,
    Знаю лишь вѣтеръ встрѣчъ.

Летятъ нездѣшними птицами,
Въ кольцо бытія, впередъ,
    Миги съ закрытыми лицами,
    Какъ удержу ихъ летъ?

И въ тѣсности, въ перекрестности,
Хочу, не хочу ли я—
    Черную топь неизвѣстности,
    Рѣжетъ моя ладья.

А. ГЛОБА.

ИЗЪ «КИРГИЗСКИХЪ ПѢСЕНЪ».

Золотой сайгакъ проскакалъ, проскакалъ.
Въ небѣ звѣзда Желѣзный Гвоздь.
Милая, въ садъ моихъ сновъ приходи,
Чтобъ я косу твою расчесалъ.

Серебряный лунь пролетѣлъ, пролетѣлъ.
Въ небѣ Уркуръ, солнца сестра.
Милая, въ садъ моихъ сновъ приходи,
Чтобъ я въ очи твои посмотрѣлъ.

* * *

Съ высокой вершины Улу-тау
Трижды крикнулъ въ степь беркутъ.
Мнѣ показалось, что это
Крикнуло мое сердце.
Кому ты кричишь, сердце?
Той, которая тебя не услышитъ.

Н. ГУМИЛЕВЪ

ПТИЦА.

Я не смѣю больше молиться,
Я забылъ слова литаній,
Надо мной грозящая птица,
И глаза у нея—огни.

Вотъ я слышу сдержанный клекотъ,
Словно звонъ истлѣвшихъ цимбалъ,
Словно моря дальняго рокотъ,
Моря, бьющаго въ груди скалъ.

Вотъ я вижу—когти стальные
Наклоняются надо мной,
Словно струи дрожатъ рѣчныя,
Озаряемыя луной.

Я пугаюсь, чего ей надо,
Я не юноша Ганимедъ,
Надо мною небо Эллады
Не струило свой нѣжный свѣтъ.

Если жъ это голубь Господень
Прилетѣлъ сказать—Ты готовъ!
То зачѣмъ же онъ такъ несходенъ
Съ голубями нашихъ садовъ?

* * *

Я не прожилъ, я протомился
Половину жизни земной,
И, Господь, вотъ Ты мнѣ явился
Невозможной такой мечтой.

Вижу свѣтъ на горѣ Ѳаворѣ
И безумно тоскую я,
Что взлюбилъ и сушу и море,
Весь дремучій сонъ бытія;

Что моя молодая сила
Не смирилась передъ Твоей,
Что такъ больно сердце томила
Красота твоихъ дочерей.

Но любовь развѣ цвѣтикъ алый,
Чтобы ей лишь мгновенье жить,
Но любовь развѣ пламень малый,
Что ее легко погасить?

Съ этой тихой и грустной думой
Какъ-нибудь я жизнь дотяну,
А о будущей Ты подумай,
Я и такъ погубилъ одну.

НАСТУПЛЕНІЕ.

Та страна, что могла быть раемъ,
Стала логовищемъ огня.
Мы четвертый день наступаемъ,
Мы не ѣли четыре дня.

Но не надо яства земного
Въ этотъ страшный и свѣтлый часъ,
Оттого, что Божіе слово
Лучше хлѣба питаетъ насъ.

И залитыя кровью недѣли
Ослѣпительны и легки...
Надо мною рвутся шрапнели,
Птицъ быстрѣе взлетаютъ клинки.

Я кричу, и мой голосъ дикій—
Это мѣдь ударяетъ въ мѣдь.
Я, носитель мысли великой,
Не могу, не могу умереть.

Словно молоты громовые
Или воды гнѣвныхъ морей,
Золотое сердце Россіи
Мѣрно бьется въ груди моей.

О, какъ бѣлы крылья побѣды,
Какъ безумны ея глаза!
О, какъ мудры ея бесѣды,
Очистительная гроза!

И какъ сладко рядить Побѣду,
Точно дѣвушку, въ жемчуга,
Проходя по дымному слѣду
Отступающаго врага.

С. ЕСЕНИНЪ.

ОСЕНЬ

Изъ цикла «Голубень».

Р. В. Иванову.

Тихо въ чащѣ можжевеля по обрыву
Осень, рыжая кобыла, чешетъ гриву.

Надъ рѣчнымъ покровомъ береговъ
Слышенъ синій лязгъ ея подковъ.

Схимникъ вѣтеръ шагомъ осторожнымъ
Мнетъ листву по выступамъ дорожнымъ,

И цѣлуетъ на рябиновомъ кусту
Язвы красныя незримому Христу.

* * *

Шелъ Господь пытать людей въ любови,
Выходилъ онъ нищимъ на кулижку.
Старый дѣдъ на пнѣ сухомъ, въ дубровѣ
Жамкалъ деснами зачерствѣлую пышку.

Увидалъ дѣдъ нищаго дорогой,
На тропинкѣ съ клюшкою желѣзной
И подумалъ:—Вишь какой убогой
— Знать, отъ голода качается болѣзный.

Подошелъ Господь, скрывая скорбь и муку:
— Видно, молъ, сердца ихъ не разбудишь...
И сказалъ старикъ, протягивая руку:
— На, пожуй... маленько крѣпче будешь.

КОРОВА.

Дряхлая, выпали зубы,
Свитокъ годовъ на рогахъ,
Билъ ее выгонщикъ грубый
На перегонныхъ поляхъ.

Сердце не ласково къ шуму,
Мыши скребутъ въ уголкѣ.
Думаетъ грустную думу
О бѣлоногомъ телкѣ.

Не дали матери сына,
Первая радость не прокъ,
И на колу подъ осиной
Шкуру трепалъ вѣтерокъ.

Скоро на гречневомъ свеѣ
Съ той же сыновней судьбой
Свяжутъ ей петлю на шеѣ
И поведутъ на убой.

Жалобно, грустно и тоще
Въ землю вопьются рога...
Снится ей бѣлая роща
И травяные луга.

* * *

Край родной, поля, какъ святцы,
Рощи въ вѣнчикахъ иконныхъ...
Я хотѣлъ бы затеряться
Въ зеленяхъ твоихъ стозвонныхъ.

По межѣ, на переметкѣ,
Резеда и риза кашки,
И вызваниваютъ въ четки
Ивы, кроткія монашки.

Куритъ облакомъ болото,
Гарь въ небесномъ коромыслѣ.
Съ тихой тайной для кого-то
Затаилъ я въ сердцѣ мысли.

Все встрѣчаю, все пріемлю,
Радъ и счастливъ душу вынуть.
Я пришелъ на эту землю,
Чтобъ скорѣй ее покинуть.

НА ОКѢ—ПЕРЕДЪ ВОЙНОЙ.

Темнѣло. Мимо шли. Приваломъ
Остановились надъ Окой,
Подъ нашимъ паркомъ, древнимъ валомъ,
Что Дмитрій городилъ Донской.

Сложили ружья; пѣсни пѣли.
Мерцали плесы. Мрѣла мгла,
И люди въ ней землисто мрѣли.
И скрежетали удила.

Сверкнули вдоль дубовъ окрайныхъ
Костры. Сталъ гомонъ, смѣхъ дружнѣй,—
И въ ихъ зрачкахъ необычайныхъ
Жаръ лихорадочный темнѣй.

Война-ль? Не вѣдали. Гадали,
И лихо вызывали бой...
А по рѣкѣ, изъ свѣтлой дали,
Плылъ звонъ—торжественной Судьбой,—

Не слышный имъ... И покрывала
Въ намекахъ звѣздныхъ шевеля,
Могилою благословляла
Сыновъ излюбленныхъ Земля.

18 Іюля 1914.

ПОСЛѢДНІЯ ВРЕМЕНА.

Потерпи еще немного,
Скорбный путникъ, человѣкъ!
Повернетъ твоя дорога
По склоненью новыхъ рѣкъ.

Миновавъ водораздѣла
Міровoго перевалъ,
Горы, блещущія бѣло,
Ты завидишь,—Духъ сказалъ.

Стѣны блѣдныя возглавятъ
Лѣтопись послѣднихъ дѣлъ
И надъ временемъ поставятъ
Безпредѣльному предѣлъ.

Всѣ узнаютъ: срокъ недологъ,
Дни вселенной сочтены,—
И совьется тихій пологъ
Съ безпощадной глубины.

Но когда: «Его, живого,
Вижу, вижу: свилъ Онъ твердь!» —
Вскрикнетъ братъ,—уста другого
Проскрежещутъ: «Вижу Смерть!..»

И въ старинную отчизну
Внидетъ сонмъ живыхъ отцовъ;
И зажжетъ Обида тризну
Съ четырехъ земли концовъ.

1915.

НА КЛАДБИЩѢ.

Не оттепель смутой унылой
Безлистныя вѣтви трепала:
Съ отчаяньемъ буйнымъ упала
Весна на погостъ бѣлокрылый.

Рвалась въ усыпальницы плѣна
И саваны съ плитъ разметала,
Глашатаемъ чернымъ летала:
«Проснитесь для новаго тлѣна!»

Къ поблеклой, пониклой могилѣ
Прильнулъ я въ смятеньѣ пугливомъ,
Съ призывомъ противорѣчивымъ:
«Не вѣрь возмущающей силѣ!»

«Живая въ жилищѣ безплотныхъ,
Спи въ гробѣ—иль встань на мгновенье,
Чтобъ этого сердца біенье
Укрыть на истлѣвшихъ полотнахъ!..»

И вдругъ укрѣпительнымъ чудомъ
Дохнуло изъ гробныхъ преддверій:
Какъ будто желѣзо артерій
Магнитнымъ откликнулось рудамъ.

И духъ окольчужился сталью,
И страхъ обернулся весельемъ;
Предстала земля новосельемъ,
И мигъ опоясался далью:

Какъ будто на горномъ отвѣсѣ
Завидѣлъ я съ низменной мели
Любимую въ огненномъ тѣлѣ
И слышалъ: «Христосъ воскресе!»

1914.

ПОГОСТЪ.

Погостъ вечерѣетъ;
Тяжеле и ржавѣй
Уборъ кипарисный;
Побѣднѣй кресты.
Во мглѣ темнолистной
Отъ холмныхъ возглавій
Прозрачное рѣетъ,
И дышутъ цвѣты.

Сижу у порога
Искавшихъ, обрѣтшихъ,
И вѣтеръ ласкаетъ
Мнѣ пряди сѣдинъ.
Вошелъ, отдыхаетъ
Изъ вмѣстѣ пришедшихъ
Въ угодія Бога
Пришлецъ не одинъ.

Изъ сердца такъ просто
Все милое взято...
За мною незримо
Бѣлѣетъ порогъ...
Тропинкою мимо,
Со свѣчкой, съ лопатой,
Садовникъ погоста—
Скитается Богъ.

1915.

ИСПОВѢДЬ ЗЕМЛѢ.

Подъ березой бѣлой, что въ оврагѣ плачетъ,
Пролилъ кровь убійца и швырнулъ топоръ.
Вскорѣ оглянулся: бѣлая маячитъ
Въ сумракѣ береза, какъ живой укоръ.

Воротясь, нашарилъ онъ топоръ постылый,—
Пóдъ-корень, окстяся, древо подрубилъ...
Къ схимнику стучится: «Каина помилуй!
Два̀жды окаянъ я: двѣ души сгубилъ».

Говоритъ отшельникъ: «Двѣ ихъ за тобою:
Грѣшная—во гнѣвѣ, чистая—въ тоскѣ.
Д р е в о п о ж а л ѣ л ъ о н ъ,—райскою мольбою
Матерь-Землю молитъ, плача вдалекѣ.

Ангелы сказали въ небесахъ далече:
М а т е р и - Ч е р н и ц ѣ с у д ъ н а д ъ н и м ъ в е р ш и т ь.
Припади къ Землѣ ты, грѣшный человѣче,
Обѣщай родимой больше не грѣшить».

1915.

* * *

Весеннія вѣтви души,
Побѣги отъ древняго древа,
Я чую вашъ трепетъ въ тиши!
Какъ-будто извѣчная Ева,
Нагая, встаетъ изъ ребра
Дремотнаго первенца міра,
Эѳирное чадо эѳира,
Моя золотая сестра...

Выходитъ и плещетъ въ ладони,
Дивясь многозвѣздной красѣ,
Вливая вселенскихъ гармоній
Всѣ звуки, отзвучія всѣ;
Лепечетъ, рѣзвясь, Гесперидамъ:
«Кидайте мнѣ мячъ золотой!»
И кличетъ морскимъ Нереидамъ:
«Плещитесь лазурью со мной!»

1915.

НОЧНЫЕ ЗОВЫ.

О томъ, какъ свѣтятъ нивы,
Дымясь при вѣтеркѣ,
И лунные извивы
Колышатся въ рѣкѣ,—
О томъ, какъ въ слезномъ блескѣ
Въ сквозистый никнутъ паръ
Алмазныя подвѣски
Мерцающихъ тіаръ,—

Я могъ бы пѣть, и Муза
Изъ слитныхъ голосовъ
Вселенскаго союза
Доноситъ хрупкій зовъ—
То шороха и треска
И вздоха въ тростникахъ,
То шелеста и плеска
На блещущихъ пескахъ.

Я могъ бы пѣть, какъ въ прятки
Играетъ съ Ночью Богъ,
Свои звѣздамъ загадки
Загадывать бы могъ...

Но тѣмъ ли сердце живо,
Пока обречено
Отдѣльнаго порыва,
Стуча, ковать звено?

Къ чему съ душой ночною
Шептаться сталъ бы я,
Пока дремлю дневною
Дремотой бытія?
Сонливца Смерть разбудитъ
И съ Ночью День сольетъ,—
И, пѣсней ставъ, забудетъ
Душа, о чемъ поетъ.

Уйми же, Муза, трепетъ
Восторженной души,
Настойчивый свой лепетъ
Забвеньемъ заглуши!
И не зови къ сліянью
Отторженную грудь:
Дай смертному сознанью
Кольцо свое сомкнуть.

1917.

СОНЪ.

Какъ музыка, былъ сонъ мой многозвученъ
И многочувственъ, и какъ жизнь—печаленъ.
Плылъ челнъ души вдоль вѣдомыхъ излучинъ,
У пристаней, у давнихъ, ждалъ, причаленъ.

Съ тобой опять я, мнилось, неразлученъ—
И горькой вновь разлукою ужаленъ;
Я слезы лилъ, былой тоской размученъ,—
Твой гаснулъ взоръ, умиленъ и прощаленъ.

Вторая жизнь богаче и жесточе
Старинной яви, прожитой безпечно,
Мерцала въ мути соннаго зерцала.

И, пробудясь, я понялъ: время стало;
Ничто не прейдетъ; все, что было, вѣчно
Содержитъ духъ въ родимыхъ нѣдрахъ ночи.

1917.

* * *

Весь исходивъ свой лабиринтъ душевный,
Увидѣлъ я по-прежнему свѣтло
Плывущій въ небѣ Солнца челнъ полдневный
И звѣздное Ураніи чело.

И возжелалъ я вспомнить ладъ напѣвный
И славить міръ. Но сердце берегло
Свой талисманъ, мнѣ ввѣренный царевной,—
Даръ Аріаднинъ: Имя и Число.

И какъ таятъ невѣсту подъ фатою,
Загадочной одѣлъ я красотою,
Какъ ризой ночи, свѣтоносный стихъ,—

Пока дѣтей играющихъ не встрѣтилъ,
Поющихъ звонко славу тайнъ моихъ:
Съ тѣхъ поръ пою, какъ дѣти, простъ и свѣтелъ.

1917.

ВРЕМЯ.

Все прошло далекимъ сномъ;
Въ безпредѣльномъ и ночномъ
Утонулъ, измлѣлъ, какъ снѣгъ,
Прежній брегъ...

Или наши корабли
Тихомолкомъ вдаль ушли,
Ввѣря вѣтру вольный бѣгъ?
Поплылъ брегъ,—

Гдѣ, въ туманѣ за кормой,
Аріадниной дремой
Усыпленная, жива
Жизнь-вдова,—

Гдѣ, за мглистою каймой,
Обаянная дремой,
Жизнь былая ждетъ, тиха,
Жениха...

Не изъ нашихъ ли измѣнъ
Мы себѣ сковали плѣнъ—
Тотъ, что̀ Временемъ зоветъ
Смертный родъ?

Время насъ, какъ вѣтеръ, мчитъ,—
Разлучая, разлучитъ,—
Хвостъ змѣиный въ пасть вберетъ—
И умретъ...

1917.

СВѢТЛЯЧОКЪ.

Душно въ комнатѣ, не спится,
Думы праздно бьютъ тревогу;
Сонной влагой окропиться
Вѣжды жаркія не могутъ.

Сумракомъ не усыпленный,
Взоръ вперяется во мглу.
Что забрезжило въ углу
Зорькой трепетно-зеленой?

Духъ-волшебникъ ночи южной,
Свѣтлячокъ, къ окну прильнулъ,—
Словно въ домъ изъ тьмы наружной
Гость съ лампадой заглянулъ;

Словно спутникъ сновъ безплотный,
Мигъ свиданья упреждая,
Подалъ знакъ душѣ дремотной
Упорхнуть въ дубравы рая.

1917.

Г. ИВАНОВЪ.

* * *

Какъ древняя ликующая слава,
Плывутъ и пламенѣютъ облака,
И ангелъ съ крѣпости Петра и Павла
Глядитъ сквозь нихъ—въ грядущіе вѣка.

Но ясенъ взоръ—и неизвѣстно, что тамъ—
Какіе сны, закаты, города—
На смѣну этимъ блеклымъ позолотамъ—
Какая ночь настанетъ навсегда!

* * *

Какъ хорошо и грустно вспоминать
О Фландріи неприхотливомъ людѣ:
Обѣдаютъ отецъ и сынъ—а мать
Картофель подаетъ на плоскомъ блюдѣ.

Зеленая вода блеститъ въ окнѣ,
Желтѣетъ берегъ съ неводомъ и лодкой—
Хоть солнца нѣтъ, но чувствуется мнѣ
Такъ явственно его румянецъ кроткій.

Неяркій лучъ надъ жизнью трудовой,
Спокойной и заманчиво нехрупкой—
Въ странѣ, гдѣ воздухъ пахнущій смолой
И рыбаки не разстаются съ трубкой.

Р. ИВНЕВЪ.

* * *

Всё забыть и запомнить одно лишь,
Что Архангельскъ не такъ ужъ далекъ.
Если, жизнь, ты меня обезволишь
И сломаешь, какъ стебелекъ,
Все забуду, запомнивъ одно лишь,
Что Архангельскъ не такъ ужъ далекъ.
По дорогѣ узкоколейной
Я всегда до тебя доберусь.
Хорошо, что я не семейный,
Хорошо, что люблю я Русь,
По дорогѣ узкоколейной
Я всегда до тебя доберусь.
Ну, а тамъ пароходомъ недолго
И до васъ, мои острова;
Не увижу тебя я, Волга,
Не вернусь я къ тебѣ, Нева.
Ну, а тамъ пароходомъ недолго
И до васъ, мои острова.
И никто никогда не узнаетъ
Въ чемъ смѣшное несчастье мое,
Только вѣтеръ, волны срывая,
Жалобно запоетъ,
И никто никогда не узнаетъ
Въ чемъ смѣшное несчастье мое.

* * *

Если длинныя вереницы дней,
Головныя боли, достиженья, неудачи—
Только искусственное сочетанье тѣней,
А на самомъ дѣлѣ все иначе.

Вѣтеръ, напоминающій вѣкъ и югъ,
Неожиданная теплота суконнаго платья,
Крестный ходъ, трепещущая хоругвь
И вѣчное напоминаніе Распятья.

Въ этотъ день даже воздухъ не какъ всегда.
Это настоящее просвѣтлѣнье
Отъ безсмысленнаго страданья и труда
И отъ ослѣпительнаго наслажденья.

* * *

Господи! Тысячу разъ
Имя Твое повторяю
Тихимъ движеніемъ глазъ
И человѣческимъ лаемъ.

Господи! Имя Твое
Тысячу разъ повторяю;
Пусть въ душѣ сжигаемый,
Имя Твое поетъ.

Господи! Прости,
Что я Тебя тревожу,
Какъ разбойникамъ Ты простилъ,
Боже!

В. ИНБЕРЪ.

* * *

Ты помнишь Геную? Прогулки по утрамъ,
И шляпы на ослахъ, и запахъ лука,
И то, какъ непріятно было намъ,
Что въ розовомъ дворцѣ теперь контора Кука?

Какъ золъ лакеевъ былъ ареопагъ
Въ кафэ еще не убранномъ и сонномъ!
Надъ русскимъ консульствомъ знакомый флагъ
Привѣтствовали мы поклономъ...

И какъ мы не уѣхали едва
За бѣднымъ эмигрантомъ въ Чили,
Какъ путали мы деньги и слова,
И какъ другъ друга тамъ любили.

* * *

У меня отъ грима ярче щеки,
Глазъ блестящъ й глубина.
Но когда приду къ тебѣ, далекій,
Буду я блѣдна.

Буду я чиста отъ навожденья
Всяческихъ прикрасъ,
Буду я проста, какъ въ часъ рожденья,
Иль въ смерти часъ.

* * *

Не то, что я жена и мать
Поитъ души сухія нивы:
Мнѣ нужно много тосковать,
Чтобъ быть спокойной и счастливой.

Мнѣ нужно, вставши поутру,
Такой извѣдать страхъ сердечный,
Какъ-будто я сейчасъ умру
И не узнаю жизни вѣчной.

Но черезъ мигъ, опять жива,
Въ размѣрѣ до сихъ поръ не пѣтомъ,
Смогу я бренныя слова
Осеребрить нездѣшнимъ свѣтомъ.

* * *

Мои слова становятся тяжеле,
Изъ жала превращаются въ стрѣлу.
Еще вчера они едва звенѣли,
Подобныя стрекозьему крылу.

Теперь они проносятся со свистомъ.
Ты ихъ пустой забавой не зови.
Взгляни: на остріѣ простомъ и чистомъ
Уже одна зазубрина въ крови.

И то, что было нѣкогда уколомъ
На мякоти румянаго плода,
Становится раненіемъ тяжелымъ.
Но эти раны благостны всегда.

*
* *

И. Эренбургу.

Сегодня день темнѣлъ уныло,
Какъ фикусъ пыльный и сухой.
И лишь подъ вечеръ я омыла
Его прозрачною строфой.

И чистыхъ листьевъ изумрудъ
Зашелестѣлъ съ отрадой вешней,
Шепча, что я простой сосудъ,
Но полный влагою нездѣшней.

*
* *

Умру я осенью, когда
Душа летуча, словно дымъ,
И воздухъ синій, какъ вода,
Плыветъ надъ садомъ золотымъ.

Коснется солнца рукъ моихъ,
Всѣ заглядятся на него.
И то, что голосъ мой затихъ,
Не испугаетъ никого.

Потомъ растаютъ всѣ лучи,
Взойдетъ неполная луна,
И мать поставитъ двѣ свѣчи
На этажерку у окна.

В. КАМЕНСКІЙ.

ПОЭМІЯ О СОЛОВЬѢ.

М. С. Цетлинъ.

Соловей въ долинѣ дальней
Расцвѣтаетъ даль небесъ
Трель разстрѣлится игральнѣй
Если строенъ гибкій лѣсъ.
Цивь-цинь-вью—
Цивь-цинь-вью—
Чокъ-й-чокъ

Перезвучально зоветъ: Ю.
Наклонилась утромъ вѣнчально.
Близко слышенъ полетъ: Ю.
Я и пою:
Стоитъ на крылечкѣ
И ждетъ. Люблю.

Пѣсневѣй соловей.
На качеляхъ вѣтвей
Лей струистую пѣсню поэту.
Звонче лей соловей.
Въ наковальнѣ своей
Разсыпай искры истому лѣту.
Цивь-цинь-цій—
Цивь-цинь-цій—
Чтррь-юй. Ю.

Я отчаянный рыжій поэтъ
Надъ долинами-зыбками
Встрѣчаю разсвѣтъ
Улыбками
Для.
Пускай для—не все ли равно.
Вѣтеръ. Трава.
Въ шкурѣ медвѣжьей мнѣ тепло.
Спокойно.

Слушай душу разливную звонкую.
Мастеръ я—
Пѣснебоецъ—
Изъ словъ звонъ кую:
Солнцень лью соловью
Въ зазвучальный отвѣтъ.
Нити струнныя вью.
Для поэта—поэтъ.

Сердце—ясное—росное
Звучное—сочное.
Сердце—серны изгибные вздроги.
Сердце—море молочное. Лейся.
Сердце голубя—
Сердце мое. Бейся.

Звенитъ вода хрустальная
Журчальная вода.
Моя-ли жизнь устальная
Устанетъ мчать года.
Я жду чудесъ вѣнчающихъ
Дѣвушку я стерегу
Сижу въ вѣтвяхъ начающихъ
На звонкомъ берегу.
Цивь-цью-чокъ.
Чтррь-йю. Ю.

Вѣдь есть гдѣ-то дверца
Пойду отворю.
Жаркое сердце
Отражаетъ зарю.
Плль-плю-цій.
Цій-тюрьлью.

Солнцень вью.
Утрень вью.
Ярцень вью.
Любишь ты.
Я люблю. Ю.
Цій-йю-чокъ.
Чокъ-й-чокъ.

Въ шелеетинныхъ грустинахъ
Зовы пѣсни звончѣй.
Въ перепѣвныхъ тростинахъ
Чурлюжурлитъ журчей.
Чюрлю-журль.
Чурлю-журль.

Въ солнцескатѣ костеръ
Не горитъ—не потухъ
Для невѣстъ и сестеръ—
Чу. Свирѣлитъ пастухъ.
Тру-ту-ру.
Тру-ру-у.
Ту-ту-ту.
Туру-тру-у.

Вотъ еще одинъ кругъ
Проницательный звучно.
Созерцательный другъ
Неразлучно.
Туру-тру-у.

И разстрѣльная трель
Цій-вью-й-чокъ.
Чтррь-йю. Ю.
И моя небовая свирѣль
Лучистая
Чистая
Истая
Стая.

Пѣвучій пастухъ.
Соловей-солнцелей.
Пѣснevѣстный поэтъ.
И еще изъ деревни перекликный пѣтухъ.
Рыбаки.
Чудаки.
Пѣснепьяницы.
Дѣти на кочкѣ.
Играютъ.
Катаютъ шаръ земной.
Поютъ:
Эль-лле-ле.
Аль-ллю-лю.
Иль-лли-ли.

Ясный пастухъ одинокому солнцу
Надъ вселенной глубинами
Расточаетъ звучально любовь
Какъ и мы надъ долинами.
Туру-ту-ту.
Туру-тамрай.

Эй соловей полюби пастуха
Позови его трелью разстрѣльной.
Я—поэтъ для живого стиха
Опьяню его пѣсней свирѣльной.
Хха-рра-мамъ—
Иди къ намъ.

Въ чемъ судьба—чья.
Голубель сквозь вѣтвины.
Молчаль.
Всѣ сошлись у журчья
У на горкѣ рябины.
Закачаетъ качаль
Расцвѣтится страна
Если пѣсня стройна
Если струйна струна
И разливна звенчаль
И чеканны дробины.

Вотъ смотри:
На полянахъ
Босоногая дѣвушка
Собираетъ святую
Траву Богородицы.
Въ наклоненіяхъ стана
Въ изгибности рукъ—
Будто пѣсня.
И молитву поетъ она:
Бла-го-сло-ви.

Давайте подумаемъ:
Если въ сердцѣ любовь затаю
Развѣ пѣсня не вырвется.
Все—для пѣсни. Для пѣсни кую.
Мы—поэты. Мы—знаемъ.
Пой соловей. Пой пастухъ. Я пою.

Н. КЛЮЕВЪ.

ИЗЪ ЦИКЛА «ЗЕМЛЯ И ЖЕЛѢЗО».

Два отрывка.

У розвальней—норовъ, въ телѣгѣ же—умъ,
У каряго много невыржепныхъ думъ.

Ихъ вѣдаетъ стойло, да дѣдъ дворовикъ,
Что кажетъ лишь твари мерцающій ликъ.

За скотьей вечерней въ потемкахъ хлѣва,
Плачевнѣе вѣтра овечья молва.

Вздыхаетъ каурый, какъ грѣшный мытарь:
«Въ лугахъ Твоихъ буду ли, Отче и Царь?

Свершатся-ль мои подъяремные сны,
И, взвихренъ, напьюсь ли небесной волны?..»

За конскою думой кому услѣдить?
Она тканою спрядается въ нить.

Изъ нити-же время плететъ невода,
Чтобъ выловить жребій, что свѣтелъ всегда.

Прообразъ всевышнихъ, крылатыхъ коней
Смиренный коняга, стражъ жизни моей.

Съ нимъ радостнѣй трудъ, благодатнѣй посѣвъ,
И смотритъ ковчегомъ распахнутый хлѣвъ.

Взыграетъ прибой и помчится ковчегъ
Подъ парусомъ яснымъ, какъ тундровый снѣгъ.

Орломъ огнезобымъ взметнется мой конь,
И сбудется дѣдовъ дремучая сонь!

* * *

Звукъ ангелу собратъ, безплотному лучу,
И недругъ топору, потемкамъ и сычу.
Въ предсмертномъ «ы-ы-ы!..» таится полузвукъ,
Онъ каплей и цвѣткомъ уловится, какъ стукъ,—
Сорвется капля внизъ и вострепещетъ цвѣтъ,
Но трепетъ не глаголъ, и въ срывѣ звука нѣтъ.

Потемки съ топоромъ и правнукъ ночи, сычъ,
Въ обители лѣсовъ поднимутъ хищный кличъ,
Древесной крови духъ дойдетъ до Божьихъ звѣздъ,
И сирины въ раю слетятъ съ алмазныхъ гнѣздъ
Но крикъ желѣза глухъ и тяжекъ, какъ валунъ,
Ему не свить гнѣзда въ блаженной рощѣ струнъ.

Надъ зыбкой, при свѣчѣ, старуха запоетъ:
Дитя, какъ злакъ росу, впиваетъ пѣвчій медъ,
Но древній рыбарь—сонъ, чтобъ лову не скудѣть,
Въ затонѣ тишины созвучьямъ ставитъ сѣть.

Въ бору, гдѣ каждый сукъ—моленная свѣча,
Гдѣ хвойный херувимъ льетъ чашу изъ луча,
Чтобъ пріобщить того, кто голосъ уловилъ
Кормилицы мірской и пѣстуньи могилъ,—

Тамъ, отроку—цвѣтку лобзаніе даря,
Я слышалъ, какъ зарѣ откликнулась заря,
Какъ вспѣлъ пѣтухъ громовъ и въ вихрѣ крылъ возникъ,
Подобно рою звѣздъ, многоочитый ликъ...

Мигъ выткалъ пелену, видѣніе темня,
Но нѣкая свирѣль томитъ съ тѣхъ поръ меня;
Я видѣлъ звука ликъ, и музыку постигъ,
Даря уста цвѣтку, безъ вашихъ ржавыхъ книгъ!

Н. КРАНДІЕВСКАЯ.

* * *

Высокомѣрная молодость,
Я о тебѣ не жалѣю!
Полное пѣны и холода
Сердце беречь для кого?

Близится полдень мой съ грозами.
Весь въ плодоносномъ цвѣтеніи.
Вижу, съ блаженными розами
Колосъ и тернъ перевитъ.

Пусть не одною усладою,—
Убылью, горечью тлѣнія,
Смертною тянетъ прохладою
Изъ расцвѣтающихъ нѣдръ,—

Радуйся къ жертвѣ готовое,
На остріе вознесенное,
Зрѣй и цвѣти изступленное
Сердце, и падай какъ плодъ!

Памяти А. Н. Скрябина.

Начало жизни было—звукъ.
Спираль во мглѣ гудѣла, пѣла,
Торжественный съужая кругъ,
Пока ядро не затвердѣло.

И стала сердцевиной твердь.
Цвѣтущей, грубой плотью звука,
И стала музыка порукой
Того, что мы вернемся въ смерть!

* * *

Отчего волнуетъ слово—роза?
И о чемъ его напоминанье?
Повторяю долго слово—роза,
Слышу древнее его благоуханье.

Словно я тебя вдыхала, роза,
Прежде чѣмъ вдохнула воздухъ мiра,—
Грубый воздухъ зноя и мороза.
Словно цвѣлъ мой духъ тобою, роза,
На поляхъ блаженнаго эфира.

* * *

Морозъ оледенилъ дорогу.
Ты мнѣ сказалъ,—не упади,—
И шелъ заботливый и строгiй,
Держа мой локоть у груди.

Собаки лаяли за рѣчкой,
И надъ деревней стылъ дымокъ,
Растянутъ въ синее колечко.
Со мною въ ногу ты не могъ

Попасть, и мы смѣялись оба.
Остановились, обнялись...
И буду помнить я до гроба,
Какъ два дыханья поднялись,

Свились, и на морозѣ ровно
Теплѣло облачко двухъ душъ.
И я подумала любовно:
— И тамъ мы вмѣстѣ, милый мужъ!

* * *

Грѣхи—поводыри слѣпыхъ.
А я недвижная, но зрячая.
И не туманитъ кровь горячая
Раздумій медленныхъ моихъ.

Что дѣлать тѣмъ, кто тишь на днѣ
Хранитъ какъ влагу первородную,
Для грубой нивы не пригодную,
Кого баюкаютъ во снѣ

Не руки душныя любовника,
А нѣжная звѣзда Арктуръ,
Чей ротъ для поцѣлуя хмуръ.
И горче дикаго терновника!

Прости, что я тебѣ—жена,
Что расплескала, неискусная,
Усладу, не испивъ до дна.
Что жизнь моя, такая грустная,

Просторна слишкомъ для любви...
Забудь. Не мучай. Не зови.

* * *

Въ чистомъ домикѣ—печаль.
Я живу бѣдна грѣхами.
И о томъ, чего не жаль
Говорю и лгу стихами.

Пусть пѣвучій этотъ щитъ
Неправдивый и лукавый
Дольше сердце защититъ
Отъ лихой, людской расправы.

Если-жъ выдастъ боль и дрожь
Голосъ, черезъ-чуръ звенящій,—
Пусть ему повѣрятъ,—что-жъ!—
Вѣдь и онъ не настоящій!

М. КУЗМИНЪ.

* * *

Я тихо отъ тебя иду,
А ты остался на балконѣ.
«Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ»
Трубятъ въ Таврическомъ саду.
Я вижу блѣдную звѣзду
На тепломъ, свѣтломъ небосклонѣ,
И лучшихъ словъ я не найду,
Когда я отъ тебя иду,
Какъ «славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ».

* * *

Глупое сердце все бьется, бьется—
Счетъ ведетъ...
Кажется вотъ вотъ сейчасъ разобьется—
Нѣтъ, живетъ...

Вы перержавѣли, вы устали,
Мысли, сны.—
Но вдругъ воспрянешь упрямѣй стали,
Ждешь весны.

Весны не будетъ, весны не будетъ,
Ложь, все ложь!
Сердце! когда же страданье убудетъ...
Когда умрешь?

* * *

Зачѣмъ тѣ чувства, что чище кристалла,
Темнить лукавствомъ ненужной игры?
Скрываться время еще не настало,
Минуты счастья просты и добры.
Любить такъ чисто, какъ Богу молиться,
Любить такъ смѣло, какъ птицѣ летать.
Зачѣмъ къ пустому роману стремиться,
Когда намъ свыше дана благодать?

* * *

А. Ахматовой.

Залетною голубкой къ намъ слетѣла,
Въ кустахъ запѣла томно филомела,
Душа томилась вырваться изъ тѣла,
Какъ узникъ изъ темницы.

Ворожея, жестоко точишь жало
Отравленнаго тонкаго кинжала!
Ходъ солнца ты бъ охотно задержала
И блескъ денницы.

Такою беззащитною пришла ты,
Изъ хрупкаго стекла хранила латы,
Но въ нихъ дрожатъ, тревожны и крылаты,
Зарницы.

Е. КУЗЬМИНА-КАРАВАЕВА.

РУѲЬ.

Собирала колосья въ подолъ,
Шла по жнивью чужому босая;
Пролетала надъ избами селъ
Журавлей вереница косая.

И ушла черезъ синій туманъ
Далеко отъ равнины Вооза;
И идетъ средь невѣдомыхъ странъ,
Завернувшись въ платокъ отъ мороза.

А журавль, уплывая на югъ,
Никому, никому не разскажетъ,
Какъ отъ жатвы оставшійся тукъ
Руѳь въ снопы золотистые вяжетъ.

Лишь короткій подымется день,
И уйдетъ хлѣборобъ на работу,
На равнинахъ чужихъ деревень
Руѳь начнетъ золотую охоту.

Низко спуститъ платокъ свой на лобъ,
Чтобъ не выдали южныя косы,
Соберетъ свой разбросанный снопъ,
Обойдетъ всѣ холмы и откосы.

А зимою, ступивъ чрезъ порогъ,
Бабы часто сквозь утренній холодъ
На снѣгу замѣчали у ногъ
Снопъ колосьевъ не смолотыхъ...

* * *

И жребій кинули, и ризы раздѣлили:
И въ часъ послѣдній дали желчи мнѣ испить.
О, Господи, Ты знаешь, я ли буду въ силѣ
Своею волей ужасъ смерти побѣдить?

Внизу глумится надъ моимъ мученьемъ воинъ;
Собрались люди у подножія креста;
Сочится кровь изъ ранъ моихъ; а духъ спокоенъ;
Ночь многозвѣздная глубока и чиста.

Земля уснула; мѣсяцъ всталъ дугой щербатой.
И вотъ съ послѣдней и предсмертной высоты
Вездѣ мнѣ видимы, забытой и распятой,
Такіе, какъ и мой, проклятые кресты.

* * *

Рядомъ пономарь горбатый
Каждый часъ звонитъ въ колоколъ,
Чтобъ дорога вдоль по нивѣ сжатой
Къ намъ усталаго на отдыхъ привела.

Къ пристани привязаны канаты,
И на привязи—корабль безъ парусовъ,
Будто плѣнный воинъ, снявшій латы,
Будто стражъ, что къ бою не готовъ.

Колокольнаго тоскующаго звона
И прибоя волнъ душѣ не перенесть;
Боже, вѣрю я,—во время оно
Этимъ же путемъ пришла святая вѣсть.

***

Какой бы ни было цѣной
Я слово вѣщее добуду,
Приближусь къ огневому чуду,
Верну навѣки мой покой!

Пусть давитъ плечи темный грѣхъ,
Пусть нѣтъ прощенія земного,—
Я жду таинственнаго зова,
Который прозвучитъ для всѣхъ.

К. ЛИПСКЕРОВЪ.

ВОЗВРАЩАЮТСЯ ПТИЦЫ...

Возвращаются птицы въ родимыя милыя страны,
Отъ вѣтровъ и тумановъ въ весеннія рощи слетаются...
Вновь я въ буряхъ прошелъ, вновь въ душѣ подымались
туманы...
Возвращаются птицы въ родимыя милыя страны...
Вновь взывалъ я и ждалъ. Вновь узналъ я тоску и обманы...
Снова дальній твой ликъ, снова руки твои вспоминаются...
Возвращаются птицы въ родимыя милыя страны,
Отъ вѣтровъ и тумановъ въ весеннія рощи слетаются.

ВСЕ СПѢШИ ПОЛЮБИТЬ.

Все спѣши полюбить, ибо все проходяще и тлѣнно.
Всѣхъ спѣши полюбить, ибо люди проходятъ, какъ сонъ.
Кто вблизи отъ тебя, тотъ не будетъ съ тобой неизмѣнно.
Все спѣши полюбить, ибо все проходяще и тлѣнно.
Ты врага обними. Пусть вражда отлетаетъ мгновенно.
Какъ обнимешь его, если скажутъ, что онъ схороненъ?
Все спѣши полюбить, ибо все проходяще и тлѣнно.
Всѣхъ спѣши полюбить, ибо люди проходятъ, какъ сонъ.

НОЧЬЮ.

Прожгла непоборимая луна
Паръ облаковъ серебрянымъ цимбаломъ.
И въ пряныхъ прахахъ воздухомъ усталымъ
Вздыхала ночь. Взвывала тишина.

Въ сапфирной мглѣ мнѣ Чай-ханэ видна.
Фонарь горитъ, зовя призывомъ алымъ.
За нимъ другой... Какъ грузнымъ опахаломъ,
Пахнула страстью древнею страна.

Задѣлъ халатъ меня въ проходѣ тѣсномъ...
Куда иду я въ городѣ безвѣстномъ?
Я чую дыхъ и запахъ душныхъ губъ.

Меня влекутъ посулами дурмановъ
Глухіе стоны томныхъ барабановъ
И хрипы напрягающихся трубъ.

Наманганъ.

* * *

Нѣжно поднятіе вѣкъ... Тяжко смыканіе вѣкъ.
Въ мірѣ возникъ человѣкъ... Сонъ увидалъ человѣкъ
Навѣкъ.
Въ странахъ растутъ города... Рушатся вновь города.
Въ небѣ зажжется звѣзда... И упадетъ звѣзда.
Куда?
Къ розовой нѣжности устъ мчится дыханіе устъ.
Розами полнится кустъ... Снова становится кустъ
Пустъ.

Дѣти играютъ у водъ. Быстро струеніе водъ.
Вотъ расплелся хороводъ... Новымъ вести хороводъ
Чередъ.
Снѣгомъ покрыта земля... Въ зелени снова земля.
Въ зелени долго-ль поля? Стужа вернется,—поля
Убѣля.
Лунный возносится свѣтъ... Лунный закатится свѣтъ.
Цѣпи сіяютъ планетъ... Снова далекихъ планетъ—
Нѣтъ.
Нѣжно поднятіе вѣкъ... Тяжко смыканіе вѣкъ.
Въ мірѣ возникъ человѣкъ... Сонъ увидалъ человѣкъ
Навѣкъ.

* * *

Я знаю былъ я нѣкогда царемъ;
Мнѣ тяготятъ былыя бармы плечи.
Обширный край забывшихся нарѣчій
Мной былъ къ преуспѣванію влекомъ.

Покорнымъ былъ я нѣкогда рабомъ.
Среди песковъ, съ вожатымъ встрѣчнымъ рѣчи.
Въ пустынѣ велъ про то, что рѣдки встрѣчи,
Про караванъ навьюченный, про домъ.

Все возвращаетъ солнце огневое.
Вновь вижу міръ и слушаю былое,
Какъ родины въ пѣвучемъ вѣтрѣ зовъ.

Державіе возвышенное словъ
Подвластно мнѣ и вѣщія печали
Въ моихъ словахъ какъ древле зазвучали.

О. МАНДЕЛЬШТАМЪ.

* * *

Въ разноголосицѣ дѣвическаго хора
Всѣ церкви нѣжныя поютъ на голосъ свой,
И въ дугахъ каменныхъ Успенскаго собора
Мнѣ брови чудятся высокія, дугой.
И съ укрѣпленнаго архангелами вала
Я городъ озиралъ на чудной высотѣ.
Въ стѣнахъ акрополя печаль меня снѣдала
По русскомъ имени и русской красотѣ.
Не диво ль дивное, что вертоградъ намъ снится,
Гдѣ рѣютъ голуби въ горячей синевѣ,
Что православные крюки поетъ черница,—
Успенье нѣжное, Флоренція въ Москвѣ!
И пятиглавые московскіе соборы,
Съ ихъ итальянскою и русскою душой,
Напоминаютъ мнѣ явленіе Авроры,
Но съ русскимъ именемъ и въ шубкѣ мѣховой.

1916.

* * *

Образъ твой, мучительный и зыбкій,
Я не могъ въ туманѣ осязать.
«Господи!» сказалъ я по ошибкѣ,
Самъ того не думая сказать.

Божье имя, какъ большая птица,
Вылетѣло изъ моей груди.
Впереди густой туманъ клубится,
И пустая клѣтка позади...

ЕВРОПА.

Какъ средиземный крабъ или звѣзда морская,
Былъ выброшенъ водой послѣднiй материкъ;
Къ широкой Азiи, къ Америкѣ привыкъ,
Слабѣетъ океанъ, Европу омывая.

Изрѣзаны ея живые берега
И полуостровов воздушны изваянья;
Немного женственны заливовъ очертанья:
Бискайи, Генуи лѣнивая дуга.

Завоевателей исконная земля,
Европа, въ рубищѣ священнаго союза;
Пята Испанiи, Италiи Медуза
И Польша нѣжная, гдѣ нѣту короля;

Европа цезарей! Съ тѣхъ поръ, какъ въ Бонапарта
Гусиное перо направилъ Меттернихъ—
Впервые за сто лѣтъ и на глазахъ моихъ
Мѣняется твоя таинственная карта!

* * *

Я не слыхалъ разсказовъ Оссiана,
Не пробовалъ стариннаго вина;
Зачѣмъ же мнѣ мерещится поляна,
Шотландiи кровавая луна?

И перекличка ворона и арфы
Мнѣ чудится въ зловѣщей тишинѣ;
И вѣтромъ развѣваемые шарфы
Дружинниковъ мелькаютъ при лунѣ.

Я получилъ блаженное наслѣдство —
Чужихъ пѣвцовъ блуждающіе сны;
Свое родство и скучное сосѣдство
Мы презирать завѣдомо вольны.

И не одно сокровище, быть можетъ,
Минуя внуковъ, къ правнукамъ уйдетъ;
И снова скальдъ чужую пѣсню сложитъ
И, какъ свою, ее произнесетъ.

1914.

В. МАЯКОВСКІЙ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ III ЧАСТИ «ВОЙНЫ И МИРА».

Тогда
надъ русскими,
надъ болгарами,
надъ нѣмцами,
надъ евреями,
надъ всѣми:
по тверди небесъ,
отъ заревъ алой
рядъ къ ряду,
семь тысячъ цвѣтовъ засіяло,
изъ тысячи разныхъ радугъ.

По обрывкамъ народовъ,
по бандѣ разсѣянной,
эхомъ раскатилось
растерянное
«А-ахъ!»
День раскрылся такой,
что сказки Андерсена
щенками ползали у него въ ногахъ.

Теперь не вѣрится,
что могъ итти
въ сумеркахъ уличекъ темный шаря.
Сегодня

у капельной дѣвочки
на ногтѣ мизинца
солнца больше,
чѣмъ раньше на всемъ земномъ шарѣ.

Большими глазами землю обводитъ
человѣкъ.
Растетъ
главою горъ достигъ.
Мальчикъ
въ новомъ костюмѣ
— въ свободѣ своей—
важенъ
даже смѣшонъ отъ гордости.

Какъ священники,
чтобъ помнили объ искупительной драмѣ,
выходятъ съ причастіемъ,
каждая страна
пришла къ человѣку со своими дарами

«На».

«Безмѣрной Америки силу несу тебѣ,
мощь машинъ!»

«Неаполя теплыя ночи дарю,
Италія,
палимый
пальмъ вѣерами маши».

«Въ холодѣ сѣвера мерзнущій,
Африки солнце тебѣ!»

«Африки солнцемъ сожженный, тебѣ
со своими снѣгами,
съ горъ спустился Тибетъ!»

«Франція,
первая женщина міра
губъ принесла алость».

«Юношей Греція,
лучшіе тѣломъ нагимъ они».

«Чьихъ голосовъ мощь
въ пѣсни звончѣе сплеталась!?
Россія
сердце свое
раскрыла въ пламенномъ гимнѣ!»

«Люди,
вѣками граненкую
Германія
мысль принесла».

«Вся
до нѣдръ напоенная золотомъ
Индія
дары принесла вамъ!»

«Славься, человѣкъ,
во вѣки вѣковъ живи и славься
всякому
живущему на землѣ
слава,
слава,
слава!»

Захлебнешься!
А тутъ и я сице.
Прохожу, осторожно,
огроменъ,
неуклюжъ.

О, какъ великолѣпенъ я
въ самой сіяющей
изъ моихъ безчисленныхъ душъ.

Мимо поздравляющихъ,
праздничныхъ мимо я
— проклятое,
да не колотись ты—
вотъ она
навстрѣчу.

«Здравствуй, любимая!»

Каждый волосъ выласкиваю,
вьющійся,
золотистый.
О, какіе вѣтры,
какого юга
свершили чудо сердцемъ погребеннымъ?
Расцвѣтаютъ глаза твои,
два луга!
Я кувыркаюсь въ нихъ,
веселый ребенокъ.

А кругомъ:
Смѣяться.
Флаги.
Стоцвѣтное.
Мимо.
Вздыбились.
Тысячи.
Насквозь.
Бѣгомъ.
Въ каждомъ юношѣ порохъ Маринетти,
въ каждомъ старцѣ мудрость Гюго.

Губъ не хватитъ улыбкѣ столицей.
всѣ
изъ квартиръ
на площади
вонъ!
Серебряными мячами
отъ столицы къ столицѣ
раскинемъ веселіе,
смѣхъ,
звонъ!

Не поймешь
это воздухъ,
цвѣтокъ ли,
птица ль!
И поетъ,
и благоухаетъ,
и пестрое сразу,
но отъ этого
костромъ разгораются лица,
и сладчайшимъ виномъ пьянѣетъ разумъ.

И не только люди
радость личью
расцвѣтили,
звѣри франтовато завили руно,
вчера бушевавшія
моря,
мурлыча
легли у ногъ.

Не повѣришь,
что плыли
смерть изрыгавъ они.
Въ трюмахъ
навѣкъ забывшихъ о порохѣ

броненосцы
провозятъ въ тихія гавани
всякаго вздора яркіе ворохи.
Кому же страшны пушекъ шайки
эти,
кроткія,
рвутъ?
Они
передъ домомъ,
на лужайкѣ,
мирно щиплютъ траву.

Смотрите,
не шутка,
не смѣхъ сатиры
средь бѣла дня,
тихо,
по—парно,
цари задиры
гуляютъ подъ присмотромъ нянь.

Земля
откуда любовь такая намъ?
Представь—
тамъ
подъ деревомъ
видѣли
съ Каиномъ
играющаго въ шашки Христа.

Не видишь,
прищурилась, ищешь?
Глазенки щелки двѣ.
Шире!
Смотри,
мои глазища

всѣмъ открытая собора дверь.

Люди
любимыя,
нелюбимыя,
знакомыя,
незнакомыя
широкимъ шествіемъ излейтесь въ двери тѣ.
И онъ
свободный,
ору о комъ я,
человѣкъ
придетъ онъ,
вѣрьте мнѣ,
вѣрьте!

СЕБѢ ЛЮБИМОМУ ПОСВЯЩАЕТЪ ЭТИ СТРОКИ АВТОРЪ.

Четыре.
Тяжелые какъ ударъ.
«Кесарево кесарю—Богу богово».
А такому
Какъ я
ткнуться куда?
Гдѣ для меня уготовано логово?
Если бъ былъ я
маленькій
какъ великій океанъ
на цыпочки бъ волнъ всталъ.
Приливомъ ласкался къ лунѣ бы.
Гдѣ любимую найти мнѣ
такую, какъ и я?
Такая не умѣстилась бы въ крохотное небо!

О если бъ я нищъ былъ!
Какъ милліардеръ!
Что деньги душѣ?
Ненасытный воръ въ ней.
Моихъ желаній разнузданной ордѣ
не хватитъ золота всѣхъ Калифорній.
Если бъ быть мнѣ косноязычнымъ
какъ Дантъ
или Петрарка!
Душу одной зажечь!
Стихами велѣть истлѣть ей!
И слова
и любовь моя
тріумфальная арка —
— пышно
безслѣдно пройдутъ сквозь нее
любовницы всѣхъ столѣтій.
О если бъ былъ я
тихій
какъ громъ
ылъ бы
дрожью бъ обялъ земли одряхлѣвшій скитъ
Я
если всей его мощью
выреву голосъ огромный
кометы заломятъ горящія руки
бросятся внизъ съ тоски.
Я бы глазъ лучами грызъ ночи
о если бъ былъ я
тусклый
какъ солнце.
Очень мнѣ надо
сіяньемъ моимъ поить
земли отощавшее лонце!
Пройду
любовницу мою волоча.

Въ какой ночи
бредовой,
недужной
какими Голіаѳами я зачатъ
такой большой
и такой ненужный.

ШУМИКИ, ШУМЫ И ШУМИЩИ.

По эхамъ города проносятъ шумы
На шопотѣ подошвъ и на громахъ колесъ,
А люди и лошади—это только грумы,
Слѣдящіе линіи убѣгающихъ косъ.
Проносятъ дѣвоньки крохотные шумики.
Ящики гула пронесетъ грузовозъ.
Рысакъ прошуршитъ въ сѣтчатой туникѣ.
Трамвай расплещетъ перекаты грозъ.
Всѣ на площадь, сквозь туннели пассажей,
Плывутъ каналами перекрещенныхъ думъ,
Гдѣ мордой перекошенный, размалеванный сажей
На царство базаровъ коронованъ шумъ.

В. МЕРКУРЬЕВА.

ДУШИ НЕЖИВЫХЪ ВЕЩЕЙ.

1. ИНТИМНАЯ.

Свободно и пусто въ комнатѣ,
Всѣ вещи на своихъ мѣстахъ.
Подглядывающіе, полноте
Метнувшійся поднимать страхъ.

Зачѣмъ вы дразните морокомъ
Вкось видимыхъ, нечужихъ лицъ?
Тревожите, шелестя ворохомъ
Нетронутыхъ никѣмъ страницъ?

Такъ вотъ какіе—ревнивые,
Лукавые друзья ночей,
Пугающіе и пугливые,
Вы—души не живыхъ вещей.

Такъ вотъ что за дверью грохало,
Стучало внутри коробка—
Вамъ хочется, чтобы васъ трогала
Человѣческая рука.

И чуть, другимъ отвлеченная,
Гляжу не замѣчая васъ—
Какъ звѣри, къ рукамъ пріученные,
Вы требуете моихъ ласкъ.

Ахъ, я бы съ вами поладила—
И мнѣ ваша тоска близка,
И я бы хотѣла, чтобъ гладила
Хозяйская меня рука.

А строчки мои неловкія,
Хромающія все звончѣй—
Не тѣ же ли хитрыя уловки
Являющихся душъ вещей?

2. ВЕСЕЛАЯ.

Чернымъ окошко занавѣсила,
Бѣлыя двѣ лампы зажгла.
Боязно чего-то и весело—
Не передъ добрымъ весела.

За день-то за долгій намаешься,
Ходишь по людямъ по чужимъ.
Къ маленькимъ пойдешь ли—скокаешься,
Вдвое спокоешься—къ большимъ.

Дай-ка одѣнусь попригляднѣе,
Въ гости пойду къ себѣ самой.
Будетъ чуднѣе и занятнѣе
Рѣчи вести съ самой собой.

—Милая, вы очень фривольная.
—Милая, я на колесѣ.
—Бѣдная, есть средства—безбольныя...
—Бѣдная, пробовала всѣ.

—Нѣжная, гдѣ другъ опечаленный?
—Нѣжная, заброшенъ, забытъ.

—Пѣвчая, гдѣ голосъ вашъ хрустальный?
—Пѣвчая, хрустальный—разбитъ.

—Порченая, знахаря надо бы.
—Порченая, знахарь то—я.
—Гордая, есть пропасти адовы.
—Гордая, и тамъ я—своя.

—Грѣшная, а Богъ-то, а любящій?
—Грѣшная. Знаю. Не дано.
—Нищая, на гноищѣ, въ рубищѣ.
—Нищая, вѣрно—и смѣшно.

Что ужъ тамъ громкія названія,
Жалкія, жуткія слова.
Проще—безцѣльное шатаніе,
Правильнѣй—одно, а не два.

Сердце, разбившись, обнаружится
Обручемъ игрушки—серсо.
Весело взвивается, кружится,
Прыгаетъ со мной—колесо.

3. НОЧНАЯ ТАЙНА.

Ночная тайна—дорога стертая,
Отъ мертвыхъ къ мертвымъ тропа мертвая.

Луна на убыли, фонарь не зажженъ.
Глаза ли, губы ли пустыхъ скважснъ.

Нѣмая тайна—ничья невольница,
Пуста—изванна во льду—вольница.

И шепчетъ тайна: конца и срока!
Знаетъ втайнѣ она—еще далеко.

И ропщетъ тайна: а солнце полудня?—
Тщетно чаянно, темно, холодно.

И хочетъ тайна: пускай невстрѣченность—
Одна, измаяна, кончить вѣчность.

И тайна тайной темно угадана—
Отчаянна, кромѣшный адъ она.

И бьется, спаяно, ночное сердце—
Ночная тайна, земное сердце.

Подъ ногой оно хруститъ осколками,
Язвитъ колкими льда иголками.

А хрупки снѣга крупки, льдинки хлипки,
Иголки—ломки, осколки—сыпки.

Вездѣ—вода къ водѣ льнетъ, слiянная,
Къ подземной тьмѣ—тьма осiянная.

Тепломъ растаяна—тепло откуда?
Не та, но тайна. А если—чудо?

4. КАНОПЪ.

Кто безъ меня былъ у меня вечеромъ сочельника?
Мглилъ у огня—кто безъ меня?—вѣтки можжевельника?
Тайный гость.
Былъ у меня взоръ уклоня—
Вечеромъ сочельника мглилъ у огня
Вѣтки можжевельника—темную трость—
Тайный гость.

Вверъ уклоня—въ ночь ото дня, дымами овѣянный—
Темную трость—бросилъ у меня, стихшій и разсѣянный,
Тайный гость.
Терпкую гроздь—въ ночь ото дня—
Дымами овѣянный—бросилъ у меня—
Стихшій и разсѣянный—терпкую гроздь—
Тайный гость.

Сердце пронзилъ—зовъ иль вопросъ? тѣнь невозвратимаго,
Острый гвоздь—сердце пронзилъ—забытаго любимаго
Крестный гвоздь.
Зовъ иль вопросъ?—не мнѣ, не мнѣ—
Тѣнь невозвратимаго—но нѣтъ, но нѣтъ—
Забытаго любимаго—крестный гвоздь—
Тайный гость.

ЛОСКУТНЫЙ РАЙ.

Часто тянетъ отдаться радостямъ вздорнымъ,
Влечетъ магазинный, лоскутный рай,
Мѣха изъ витринъ,—соболь, горностай
И сѣрый песецъ съ налетомъ чернымъ.

Это радость пустая—знаю, знаю,
Но стою у витринъ съ восторгомъ упорнымъ,
И такъ часто мнѣ снится, шею лаская,—
Мѣхъ полярной лисицы и горностая.

Но я утромъ пристыжена и тиха,
Мои умныя мысли полны обидою,
И неловко до слезъ, что я завидую
Веселымъ манекенамъ, одѣтымъ въ мѣха.

РИВОЧКА.

— Почему не напомнили? я забыла свое ведерко.
— Почему не напомнили? я свою лопатку забыла...
Словно взрослая женщина, говорила Ривочка горько,
Говорила устало, словно все ей давно опостыло.

И глаза темно-сѣрые, полные скуки и лѣни,
Устремила уныло на дорожку лѣтняго сада...
Право, скорбь мiровая тутъ была, и было отреченье:
— Мячика мнѣ не надо!..

ДИКАРСКАЯ ПѢСНЯ.

Холодно. Устала. Не хочу хотѣть,—
Нѣтъ въ мірѣ желаній безъ боли...
Что-нибудь такое жалобное спѣть бы,
Пѣсенку народную, что ли?

Чтобъ томленьемъ свѣтлымъ вся я облеклась,
Скинувъ злобу, словно сѣрыя отрепья,
Чтобы можно было плакать, не стыдясь,
И отъ жизни ничего не требуя.

Вотъ, припоминаю... это пѣли Инки,
Дѣвочкой читала... что можетъ быть нѣжнѣй?
«Звѣзды сіяютъ и падаютъ росинки,
На березовой лодкѣ плыву къ любви своей».

Да, для утѣшенія есть ясныя слезинки!—
Пою, и за окошкомъ сталъ сумракъ голубѣй...
«Звѣзды сіяютъ и падаютъ росинки,
На березовой лодкѣ плыву къ любви своей».

* * *

В. В. Розанову.

«Я не хочу истины, я хочу покоя!»
Это онъ сидѣлъ у нетопленнаго камина...
Это онъ сказалъ, когда сердце пустынно,
Это всѣмъ, всѣмъ немного родное:
«Я не хочу истины, я хочу покоя!»

Всѣмъ за это стыдно и каждому созвучно.
И столькихъ томило, столькихъ мучило...
И одно лишь сердце—червивое, больное,
Высказать посмѣло съ наглою тоскою:
«Я не хочу истины, я хочу покоя!»

С. ПАРНОКЪ.

* * *

Твои слѣды въ отцвѣтшемъ саду свѣжи,—
Не все, года, дыханьемъ своимъ смели вы!
Вернись ко мнѣ, на пройденный путь счастливый,
Печаль свою съ печалью моей свяжи.

Пусть я не та, что прежде, и ты не тотъ,
Бывалыхъ дней порадуемся удачамъ,
А объ иномъ, чего не сказать, поплачемъ,—
Вѣдь горечь слезъ о прошломъ мягчитъ, не жжетъ.

Пока закатъ твой ярый не сталъ томнѣй,
Пока съ деревъ вѣтрами уборъ не согнанъ,
Пока твой взоръ, встрѣчаясь съ моимъ, такъ огненъ,
Вернись ко мнѣ, любимый, вернись ко мнѣ!

* * *

Къ намъ долетитъ ли бранный огонь?
Крылаты лихія дѣла!—
Ржетъ конь,
Яростный конь,
Грозный конь
Грызетъ удила.

Тучей закрыли призрачный лучъ,
Съ поморья нагрянувъ, вѣтра,—
Тьма тучъ,
Скопище тучъ,
Пляска тучъ
Надъ градомъ Петра.

Въ дни грозовые слышится вновь
Знакомый раскатистый скокъ.
Взвелъ бровь,
Тяжкую бровь,
Злую бровь
Державный ѣздокъ.

РОНДО.

Я вспомню все. Всѣхъ дней, въ одномъ безмѣрномъ мигѣ,
Столпятся предо мной покорныя стада.
На пройденныхъ путяхъ ни одного слѣда
Не мину я, какъ строкъ въ моей настольной книгѣ,
И злу всѣхъ дней моихъ скажу я тихо «да».

Не прихотью ль любви мы вызваны сюда,—
Любовь, не тщилась я скрывать твои вериги!
И безъ отчаянья, безъ страха, безъ стыда
Я вспомню все.

Пусть жатву жалкую мнѣ принесла страда,
Не колосомъ полны—полынью горькой—риги,
И пусть солгалъ мой богъ, я вѣрою тверда,
Не уподоблюсь я презрѣнному разстригѣ
Въ тотъ безконечный мигъ, въ послѣдній мигъ, когда
Я вспомню все.

* * *

Памяти моей матери.

«Забыла тальму я барежевую.
Какъ жаль!» —сестрѣ писала ты.
Я въ тонкомъ почеркѣ выслѣживаю
Души невѣдомой черты.

Ты не умѣла быть довѣрчивою:
Закрыты глухо *а* и *о*.
Воображеніемъ дочерчиваю
Примѣты лика твоего.

Была ты тихой, незатѣйливою,
Какъ строкъ твоихъ несмѣлый строй.
И все, что въ сердцѣ я взлелѣиваю,
Тебѣ бъ казалось суетой.

Но мнѣ мила мечта заманчивая,
Что ты любила бы меня:
Такъ нѣженъ завитокъ, заканчивая
Вотъ это тоненькое *я*.

* * *

Не какъ люди, не еженедѣльно.
Не всегда, въ столѣтье раза два
Я молилъ тебя: членораздѣльно
Повторя творящія слова.

И тебѣ жъ невыносимы смѣси
Откровеній и людскихъ неволь.
Какъ же хочешь ты, чтобъ я былъ веселъ,
Съ чѣмъ бы сталъ ты ѣсть земную соль?!

ФАНТАЗМЪ.

Въ девять, по лѣвой, какъ выйти со Страстного,
На сырыхъ фасадахъ—ни единой вывѣски.
Солидныя предпріятья—но—улица изъ сновъ вѣдь!
Щиты мѣшаютъ спать, и ихъ велѣли вынести

Суконщики, С. Я., то-есть сыновья суконщиковъ,
(Форточки—наглухо, конторщики въ отлучкѣ)—
Спитъ, какъ убитая Тверская, только кончикомъ
Сна высвобождаясь, точно сонной ручкой.

Къ ней-то и прикладывается Памятникъ Пушкину,
И дѣло начинаетъ пахнуть дуэлью,
Когда, какой-то изъ новыхъ, воздушный
Поцѣлуй посылаетъ ей лайковой метелью.

Во-первыхъ, онъ помнитъ, какъ началось безсмертье:
Тотчасъ по возвращеньи съ дуэли, дома,
И трудно отвыкнуть. И, во-вторыхъ и въ третьихъ,
Она изъ Гончаровыхъ, ихъ общая знакомая!

МАРБУРГЪ.

День былъ рѣзкій и тонъ былъ рѣзкій,
Рѣзки были день и тонъ—
Ну, такъ извиняюсь. Были занавѣски
Желты. Пеньюаръ былъ тонокъ, какъ хитонъ.

Ласка іюля плескалась въ тюлѣ,
Тюль, подымаясь, билъ въ потолокъ,
Надъ головой были руки и стулья,
Подъ головой подушка для ногъ.

Вы поздно вставали. Носили лишь модное,
И къ вамъ постучавшись, входилъ я въ танцклассъ,
Гдѣ страсть, словно балку, кидала мнѣ подъ ноги
Линолеумъ въ клѣтку, пустившійся въ плясъ.

Что сдѣлали вы? Или это по-дружески,
Вы въ кружевѣ вьюжитесь, мой другъ въ матинэ?
Къ чему же дивитесь вы, если по мужески—
    — мнѣ больно, довольно, есть мѣра длинѣ,
    тяни, но не слишкомъ, не рваться жъ струнѣ
    мнѣ больно, довольно—
                                        стенаетъ во мнѣ
Назрѣвшее сердце, мой другъ въ матинэ?

Вчера я родился. Себя я не чту
Никѣмъ, и еще непривычна мнѣ поступь.
Сейчасъ, вспоминаю, стоялъ на мосту
И видѣлъ, что видятъ не многіе съ мосту.

Инстинктъ сохраненья, старикъ подхалимъ
Шелъ рядомъ, шелъ слѣдомъ, бокъ о бокъ, особо,
И думалъ: «Онъ стоитъ того, чтобы за нимъ
Во дни эти злые присматривать въ оба».

Шагни, и еще разъ,—твердилъ мнѣ инстинктъ
И велъ меня мудро, какъ старый схоластикъ,
Чрезъ путаный, древній, сырой лабиринтъ
Нагрѣтыхъ деревьевъ, сирени и страсти.

Плитнякъ раскалялся. И улицы лобъ
Былъ смуглъ. И на небо глядѣлъ исподлобья
Булыжникъ. И вѣтеръ, какъ лодочникъ, гребъ
По липамъ. И сыпало пылью и дробью:

Лиловою мѣдью блистала плита,
А въ заросляхъ парковыхъ глазъ хоть выколи,
И лишь насѣкомыя къ солнцу съ куста
Слетаютъ, какъ часики спящаго тикая.

О, въ день тотъ, какъ демонъ, глядѣла земля,
Грозу пожирая, изъ травъ и кустарника,
И небо, какъ кровь, затворялось, спалясь
Объ взглядъ тотъ, тяжелый и желтый, какъ арника.

Въ тотъ день всю тебя отъ гребенокъ до ногъ,
Какъ трагикъ въ провинціи драму Шекспирову,
Носилъ я съ собою и зналъ на зубокъ,
Шатался по городу и репетировалъ.

Чего мнѣ бояться? Я тверже грамматики
Бэзсонницу знаю. И мнѣ не брести
По голой плитѣ босоногимъ лунатикомъ
Срэди липъ и берэзъ изъ слоновой кости.

Вѣдь ночи играть садятся въ шахматы
Со мной на лунномъ паркетномъ полу,
Акаціей пахнетъ и окна распахнуты
И страсть, какъ свидѣтель, сѣдѣетъ въ углу.

И тополь—король. Королева—бэзсонница.
И ферзь—соловей. Я тянусь къ соловью.
И ночь побѣждаетъ, фигуры сторонятся,
Я бѣлое утро въ лицо узнаю.

* * *

По стѣнѣ сбѣжали стрѣлки,
Часъ похожъ на таракана.
Брось, къ чему швырять тарелки,
Бить тревогу, бить стаканы?

Съ этой дачею дощатой
Можетъ и не то стрястися—
Счастью въ свѣтѣ нѣтъ пощады.
Громъ не грянулъ, что креститься.

Годъ сгорѣлъ на керосинѣ
Залетѣвшей въ лампу мошкой
Вонъ, съ зарею сѣросиней
Всталъ онъ сонный, всталъ намокшій.

Онъ глядитъ въ окно какъ въ дужку
Старый, страшный состраданьемъ,
Отъ него мокра подушка,
Онъ зарылъ въ нее рыданья.

Какъ утѣшить эту ветошь?
О, ни разу не шутившій!—
Чѣмъ запущеннаго лѣта
Грусть заглохшую утишить?

Лѣсъ нависъ въ свинцовыхъ пасмахъ,
Сѣдъ и пасмуренъ репейникъ.
Онъ—въ слезахъ, а ты—прекрасна
Вся какъ день, какъ нетерпѣнье!

Что онъ плачетъ, старый олухъ?
Счастье жарче и бурливѣй,
Чѣмъ задохшійся подсолнухъ,
Солнцемъ ринувшійся въ ливень.

* * *

Лодка колотится въ озерной груди,
Ивы нависли, цѣлуютъ въ ключицы,
Въ локти, въ уключины—о погоди,
Это вѣдь можетъ со всякимъ случиться,

Этимъ вѣдь, пѣсня, тѣшатся всѣ,
Это вѣдь значитъ шорохъ сиреневый,
Роскошь крошеныхъ черемухъ въ росѣ,
Губы и пряди на звѣзды вымѣнивать,

Это вѣдь значитъ обнять небосводъ,
Руки сплести вкругъ Геракла громаднаго,
Это вѣдь значитъ вѣка напролетъ
Ночи на звѣзды какъ царство проматывать.

С. РАФАЛОВИЧЪ.

* * *

Въ небѣ тянутъ журавли
Острымъ треугольникомъ.
Плодъ незримый, плодъ земли
Не они ли принесли
Всѣмъ земнымъ невольникамъ?

Спѣетъ-зрѣетъ сочный злакъ,
Пухнутъ почки жадныя.
У коровъ, кобылъ, собакъ
Плодородья вѣщій знакъ
Животы громадные.

Ходятъ бабы не спѣша,
Тяжкія, усталыя,
Чревомъ бережно дыша
И во внутрь, гдѣ бдитъ душа,
Смотрятъ очи впалыя.

Сладко сѣять и зачать,
Вынести не весело.
Чтобъ пригрѣть и приласкать
Надъ земными—Божья мать
Солнышко повѣсила.

КАНАТНЫЙ ПЛЯСУНЪ.

Надъ рудою пляшетъ гномъ
И надъ грѣшниками черти:
Мнѣ—канатнымъ плясуномъ
Суждено пребыть до смерти.

Не погаснетъ никогда
Злой огонь, что вихремъ вьется,
Не разсыплется руда
И канатъ не оборвется.

Лишь на дальнюю звѣзду
Заглядѣвшись безпричинно,
Я въ бездонность упаду
Съ высоты пятиаршинной.

И въ рукахъ сжимая шестъ,
Точно посохъ вѣчныхъ странствій,
Самъ себя, какъ зыбкій крестъ,
Проношу въ пустомъ пространствѣ.

* * *

Тщетно на землю легла паутина
Гладко укатанныхъ рельсъ.
Зналъ ли тебя, паровая машина,
Мудрый мой братъ Парацельзъ?

Тщетно въ пучинѣ мятежной и жадной
Ожилъ стремительный винтъ.
Братъ мой Тезей, безъ клубка Аріадны
Страшно войти въ лабиринтъ.

Тщетно пропеллеръ возноситъ до неба
Суетность быстрыхъ затѣй.
Ты ли огня не похитилъ у Феба,
Дерзкій мой братъ Прометей?

Сблизились дали и въ безднахъ бездонныхъ
Съ глубью сравнялася высь.
Распятый братъ мой, о вѣчно плѣненныхъ
Тщетно, но жарко молись!

* * *

Когда принесутъ мой гробъ
Песъ домашній залаетъ,
И жена поцѣлуетъ въ лобъ,
А потомъ меня закопаютъ...
Глухо стукнетъ земля,
Сомкнется желтая глина,
И не будетъ того господина,
Который называлъ себя: Я.
Это господинъ въ котелкѣ,
Съ подстриженными усами.
Онъ часто сидѣлъ между вами
Или пилъ вино въ уголкѣ.
Онъ родился,
Потомъ убилъ,
Потомъ любилъ,
Потомъ игралъ,
Потомъ писалъ,
Потомъ скучалъ,
Потомъ скончался...
Я не знаю, какъ онъ по имени назывался
И зачѣмъ свой путь совершилъ...
Вамъ и мнѣ все равно,
Вѣдь онъ давно
Со всѣми уже распрощался...

Когда принесутъ мой гробъ,
Песъ домашній залаетъ,
И жена поцѣлуетъ въ лобъ,
А потомъ меня закопаютъ.
Глухо стукнетъ земля,
Сомкнется желтая глина,
И не будетъ того господина,
Который называлъ себя: Я.

* * *

Гильотина—острый ножъ?
Ну такъ что-жъ?
Не боюсь я гильотины,
Я смѣюсь надъ палачомъ,
Надъ его стальнымъ ножомъ.
Гильотина—жизнь моя,
Каждый день казнятъ меня,
Каждый день два господина
Въ старомодныхъ сюртукахъ
У меня сидятъ въ гостяхъ.
А потомъ за дверь выходятъ,
Крѣпко за-руки берутъ
И подъ острый ножъ кладутъ.
Въ этомъ жизнь моя проходитъ.....
И на казнь, какъ въ балаганъ
Въ воскресенье люди ходятъ...
Гильотина—острый ножъ?
Ну такъ что-жъ?
Я сейчасъ допью стаканъ...
Пусть на казнь меня выводятъ...

* * *

Сѣялъ осенній дождикъ,
За гробомъ шелъ попикъ
Въ поношенной рясѣ...
Звенѣло стекло,
Жалобно пѣло
Вино...
О чемъ оно пѣло?
Не о моихъ ли
Равнодушныхъ,
Раннихъ,
Осеннихъ
Похоронахъ?..

* * *

Я шелъ,
Шатался,
Огненный шаръ
Раскалялся,
Бѣлая пыль
Ослѣпляла,
Черная тѣнь
Колебалась...
Въ этотъ іюльскій день
Моя сила сломалась...
Я шелъ,
Шатался,
Огненный шаръ
Раскалялся,
И уже темная поднималась
Радость отъ вѣка,—
Радость, что я убилъ человѣка...

С. СОЛОВЬЕВЪ.

НА ГРАНИЦѢ.

Иль даже небо негодуетъ
И въ споръ людей вступаетъ адъ,
Что непрерывно вѣтеръ дуетъ,
Холодный вѣтеръ изъ Карпатъ?

Тамъ наша рать грозитъ врагу
Во мглѣ февральскаго тумана,
Изнемогая въ стужѣ льдяной,
На окровавленномъ снѣгу.

А здѣсь всю жизнь разрушилъ громъ,
И безконечныя могилы
Покрыли сумрачнымъ ковромъ
Равнины Холмщины унылой.

И ты, моя Волынь, грустна:
Пронесся смерти воронъ черный,
И дышетъ близкая весна
Заразой смрадной и тлетворной.

И сердце замерло въ груди
Предъ этой казнью очевидной...
Устали всѣ... Конца не видно...
А сколько крови впереди!

Когда-нибудь придетъ покой,
Но какъ-то жутко мнѣ и сиро...
Вѣдь скорби не было такой
Отъ самаго начала міра!

ПЕРЕДЪ ЛУЦКОМЪ.

Промчались въ вагонѣ рекрутскомъ
Солдаты... Разсѣявши тьму,
Багровое солнце надъ Луцкомъ
Пылаетъ въ морозномъ дыму.

Глубокимъ засыпанный снѣгомъ,
Застылъ и безмолствуетъ Стырь,
Забывъ, какъ австріецъ набѣгомъ
Мутилъ его синюю ширь.

Волыни любимому сыну
Что Польши и Австріи гнѣвъ?
Здѣсь, путь заградивъ Гедемину,
Свой городъ отстаивалъ Левъ.

Красавецъ Волыни, ты спишь ли?
Проснись! лучъ разсвѣта блеснулъ...
Опять загремѣлъ въ Перемышлѣ
Желѣзнаго приступа гулъ.

Январь. 1915.
Между Луцкомъ и Ковелемъ.

Ѳ. СОЛОГУБЪ.

* * *

Пришли уставленные сроки,
И снова я, какъ рабъ, иду
Свершать ненужные уроки,
Плодить пустую меледу.

Потомъ унылый вечеръ будетъ,
И какъ мнѣ милый трудъ свершить,
Когда мечты мои остудитъ
Все, что придется пережить!

Потомъ полночныя печали
Придутъ съ безумною тоской,
И развернутъ нѣмыя дали,
Гдѣ безнадежность и покой.

* * *

Въ домѣ шатки половицы,
Въ небѣ блещетъ яркій дискъ.
Докучаетъ голосъ птицы,
Скучно-звонкій визгъ и пискъ.

Глазъ не зорокъ и не мѣтокъ,
Душенъ тѣлу вѣчный плѣнъ,
Кто же хочетъ этихъ клѣтокъ,
Этихъ оконъ, этихъ стѣнъ?

* * *

Такъ жалки, такъ убоги!
Безжалостенъ и строгъ!
Измять босыя ноги
Безмѣрностью дорогъ.

Твои ли, наши ль муки,
О, какъ намъ разгадать!
Корой мозольной руки
Зачѣмъ-то заковать.

Невинная стихія!
Тебя ль къ Суду привлечь?
Вложить въ уста людскія
Такую злую рѣчь.

КЪ ЧЕРТѢ ЧЕРТА.

Какою нѣжностью неизъяснимою, какой сердечностью
Освѣтозарено и олазорено лицо твое,
Лицо незримое, отожествленное всечертно съ Вѣчностью.
Твое,—но чье?

Въ вагонѣ поѣзда, на каждой улицѣ и въ сновидѣніи,
Въ театрѣ ль, въ рощѣ ли,—вездѣ приложится къ чертѣ
черта,
Неуловимая, но ощутимая,—черта-мгновеніе.
Черта-мечта!

И больно-сладостно, и вешне-радостно! Жить—изумительно
Чудесно все-таки! Ахъ, сразу нѣсколькихъ—о д н у любить!
Невоплощенная! Невоплотимая! тебя плѣнительно
Ждать—это жить!

ВЕСЕННІЕ ТРІОЛЕТЫ.

Андрею Виноградову.

Еще весной благоухаетъ садъ,
Еще душа весенится и вѣритъ,
Что поправимы страстныя потери,—
Еще весной благоухаетъ садъ...

О, нѣжная сестра и милый братъ!
Мой домъ не спитъ, для васъ раскрыты двери...
Еще весной благоухаетъ садъ,
Еще душа весенится и вѣритъ...

Еще благоухаетъ садъ весной,
Еще въ глазахъ моихъ блестятъ слезинки,
Еще влекутъ въ безвѣстное тропинки,—
Еще благоухаетъ садъ весной...
О, жизнь моя! Ты вся еще предъ мной!
Черемухъ цвѣтъ пророчитъ мнѣ снѣжинки...
Еще благоухаетъ садъ весной...
Еще въ глазахъ моихъ дрожатъ слезинки...

А я усталъ! а юность позади!
Зачѣмъ же садъ весной благоухаетъ?
Взоръ отсверкалъ, померкъ и потухаетъ.
И я усталъ... и юность позади...
О, жизнь моя! ты все еще въ груди!
Вопью тебя,—и сердце воспылаетъ!
Пусть я усталъ, пусть юность позади,
Но садъ еще весной благоухаетъ!...

Веймарнъ.
Мыза «Пустомержа».

М. ТУМНОВСКАЯ.

МЫСЛИ.

Вѣра его, какъ страдальческій крестъ.
Гордому сладко молиться...

Столько любимыхъ мѣстъ
Отчеркнуто на страницахъ.

Исповѣдь въ мѣрной реторикѣ фразъ,
Четкой, какъ кружево чиселъ.

Вотъ научаюсь я въ первый разъ
Плакать надъ мыслями.

Что, если въ Божьей странѣ благодать
Душу его не постигнетъ?

Мнѣ ли, покорной, отвѣта ждать
Отъ этой суровой книги...

Упокой, Господи, душу
Блеза Паскаля!

Сегодня сердце послушно
Чужой печали.

ВЪ ПЕТРОВСКОМЪ ПАРКѢ.

Висѣлъ онъ, не качаясь,
На узкомъ ремешкѣ.
Свалившаяся шляпа
Чернѣла на пескѣ.
Въ ладонь впивались ногти
На стиснутой рукѣ.

А солнце восходило,
Стремя къ полудню бѣгъ,
И передъ этимъ солнцемъ,
Не опуская вѣкъ,
Былъ высоко приподнятъ
На воздухъ человѣкъ.

И зорко, зорко, зорко
Смотрѣлъ онъ на востокъ.
Внизу столпились люди
Въ притихнувшій кружокъ.
И былъ почти невидимъ
Тотъ узкій ремешокъ.

НА ХОДУ.

Метель, метель... Въ перчаткѣ—какъ чужая
Застывшая рука.
Не странно-ль жить, почти что осязая,
Какъ ты близка?

И все-таки—бреду домой съ покупкой,
И все-таки живу...
Какъ прочно все! Нѣтъ, онъ совсѣмъ не хрупкій—
Сонъ на яву.

Еще томятъ земныя разстоянья,
Еще болитъ рука,
Но все яснѣй, увѣреннѣй сознанье,
Что ты близка.

АНЮТѢ.

На спичечной коробкѣ —
Смотри-ка—славный видъ:
Корабликъ трехмачтовый
Не двигаясь бѣжитъ.

Не разглядишь, а вѣрно
Команда есть на немъ,
И въ тѣсномъ трюмѣ, въ бочкахъ,
Изюмъ, корица, ромъ.

И есть на немъ, конечно,
Отважный капитанъ,
Который видѣлъ много
Непостижимыхъ странъ.

И вѣрно — есть матросикъ,
Что мастеръ пѣсни пѣть
И любитъ ночью звѣздной
На небеса глядѣть.

И я въ рукѣ Господней,
Здѣсь, на Его землѣ,—
Точь-въ-точь какъ тотъ матросикъ
На этомъ кораблѣ...

Вотъ и сейчасъ, быть можетъ,
Въ каютѣ кормовой
Въ окошечко глядитъ онъ
И видитъ — насъ съ тобой.

РУЧЕЙ.

Взгляни, какъ солнце обольщаетъ
Пересыхающій ручей
Полдневной прелестью своей,—
А онъ рокочетъ и вздыхаетъ
И на бѣгу оскудѣваетъ
Средь обнажившихся камней.

Подъ вечеръ путникъ молодой
Приходитъ, пѣсню напѣвая:
Свой посохъ на песокъ слагая,
Онъ воду черпаетъ рукой
И пьетъ—въ струѣ, уже ночной,
Ничьей судьбы не прозрѣвая.

СМОЛЕНСКІЙ РЫНОКЪ.

Смоленскій рынокъ
Перехожу,
Полетъ снѣжинокъ
Слѣжу, слѣжу.
При свѣтѣ дня
Желтѣютъ свѣчи:
Все тѣ же встрѣчи
Гнетутъ меня.

Все къ той же чашѣ
Припалъ—и пью...
Сосѣдки наши
Несутъ кутью.
У церкви—синій
Раскрытый гробъ,
Ложится иней
На мертвый лобъ...
О, ледъ снѣжинокъ,
Остановись!
Преобразись,
Смоленскій рынокъ!

ПО БУЛЬВАРАМЪ.

Въ темнотѣ, задыхаясь подъ шубой, иду,
Какъ больная рыба по дну морскому.
Трамвай зашипѣлъ и бросилъ звѣзду
Въ черное зеркало оттепели.

Раскрываю запекшійся ротъ,
Жадно ловлю отсырѣвшій воздухъ,—
А за мной отъ самыхъ Никитскихъ воротъ
Увязался маленькій призракъ дѣвочки.

* * *

Настанетъ день—печальный, говорятъ—
Отцарствуютъ, отплачутъ, отгорятъ,
— Остужены чужими пятаками,—
Мои глаза, подвижные, какъ пламя.
И, двойника нащупавшій двойникъ,
Сквозь легкое лицо проступитъ—ликъ.

О, наконецъ тебя я удостоюсь,
Благообразія прекрасный поясъ!

А издали, — завижу-ли и Васъ? —
Потянется, растерянно крестясь,
Паломничество по дорожкѣ черной
Къ моей рукѣ, которой не отдерну,
Къ моей рукѣ, съ которой снятъ запретъ,
Къ моей рукѣ, которой больше нѣтъ.

На ваши поцѣлуи, о живые,
Я ничего не возражу—впервые!
Меня окуталъ съ головы до пятъ
Благообразія прекрасный платъ.
Ничто уже меня не вгонитъ въ краску:
Святая у меня сегодня Пасха!

По улицамъ оставленной Москвы
Поѣду—я, и побредете—вы,
И не одинъ дорогою отстанетъ,

И первый комъ о крышку гроба грянетъ,
И наконецъ-то будетъ разрѣшенъ
Себялюбивый, одинокій сонъ!

Прости, Господь, погибшей отъ гордыни
Новопреставленной болярин̂ѣ Маринѣ!

* * *

Идешь, на меня похожій,
Глаза устремляя внизъ.
Я ихъ опускала—тоже!
Прохожій, остановись!

Прочти, слѣпоты куриной
И маковъ набравъ букетъ,
Что звали меня Мариной
И сколько мнѣ было лѣтъ.

Не думай, что здѣсь могила,
Что я появлюсь, грозя,—
Я слишкомъ сама любила
Смѣяться, когда нельзя!

И кровь приливала къ кожѣ,
И кудри мои вились...
Я тоже была, прохожій!
Прохожій, остановись!

Я вѣчности не пріемлю.
Зачѣмъ меня погребли?
Я такъ не хотѣла—въ землю
Съ любимой моей земли!

Сорви себѣ стебель дикій
И ягоду ему вслѣдъ,—
Кладбищенской земляники
Крупнѣе и слаще нѣтъ.

Но только не стой угрюмо,
Главу опустивъ на грудь.
Легко обо мнѣ подумай.
Легко обо мнѣ забудь.

Какъ лучъ тебя освѣщаетъ!
Ты весь въ золотой пыли...
— И пусть тебя не смущаетъ
Мой голосъ изъ-подъ земли!

СТИХИ О МОСКВѢ.

1.

Когда рыжеволосый Самозванецъ
Тебя схватилъ,—ты не согнула плечъ.
Гдѣ спесь твоя, княгинюшка? Румянецъ,
Красавица?—Разумница, гдѣ рѣчь?

Какъ Петръ-Царь, презрѣвъ законъ сыновній,
Позарился на голову твою,—
Боярыней Морозовой на дровняхъ
Ты отвѣчала Русскому Царю.

Не позабыли огненнаго пойла
Буонапарта хладныя уста.
Не въ первый разъ въ твоихъ соборахъ—стойла.
— Все вынесутъ кремлевскіе бока!

2.

Жидкій звонъ, постылый звонъ.
На всѣ стороны поклонъ.

Крикъ младенца, ревъ коровы,
Слово дерзкое царево.

Плетокъ свистъ, да снѣгъ въ крови.
Слово темное Любви.

Голубиный рокотъ тихій.
Черные глаза Стрѣльчихи.

3.

Гришка-Воръ тебя не ополячилъ,
Петръ-Царь тебя не онѣмечилъ.
Что же дѣлаешь, голубка?—Плачу.
Гдѣ же спесь твоя, Москва?—Далече.
Голубочки гдѣ твои?—Нѣтъ корму.
Кто унесъ его?—Да воронъ черный.
Гдѣ кресты твои святые?—Сбиты.
Гдѣ сыны твои, Москва?—Убиты.

ПѢСНЯ.

Изъ повѣсти «Послѣднее посѣщеніе».

О нѣжномъ лицѣ
  Ея,
О камнѣ въ кольцѣ
  Ея,
О низкомъ крыльцѣ
  Ея,
Пѣсня моя.

О пеплѣ волосъ твоихъ,
Объ инеѣ розъ твоихъ,
О капелькахъ слезъ твоихъ
  Мой стихъ.

Желтое лицо
  Мое.
Безъ камня кольцо
  Мое.
Пустынно крыльцо
  Мое.
Но вдвоемъ,
Ты и я,
Товій и Лейя.

Наша пѣсня печальна. какъ родина наша.
Наша чаша полна и отравлена чаша.
  Прикоснемся устами,
  И сожжемъ въ ней уста мы,
    Ты и я,
    Товій-Лейя.

Но печальна не пѣсня, а радость въ глазахъ.
Но свѣтлѣетъ не радость—то снѣгъ въ волосахъ.
Но пестрѣетъ не лугъ нашъ—могила въ цвѣтахъ
    Лицо ся.
    Кольцо ся.
    Крыльцо ся.

    Счастливъ я.

КОНЕЦЪ КИКАПУ.

Побрили Кикапу—въ послѣдній разъ.
Помыли Кикапу—въ послѣдній разъ.
  Съ кровавою водою тазъ
    И волосы его.
    Куда съ?
  Вѣдь Вы сестра?
Побудьте съ нимъ хоть до утра.
    А гдѣ же Ра?
Побудьте съ нимъ хоть до утра
    Вы, обѣ,
  Пока онъ не въ гробѣ.

Но ихъ ужъ нѣтъ и стерти слѣдъ прохожіе у двери.
Да, да, да, да,—ихъ нѣтъ, поэтъ.—Елены. Ра и Мери.
Скривился Кикапу: въ послѣдній разъ
Смѣется Кикапу—въ послѣдній разъ.
Возьмите же кровавый тазъ
—Вѣдь настежь обѣ двери.

1914.

НОЧЬ.

Нѣтъ масла въ лампѣ—тушить огонь.
Сейчасъ подхватитъ насъ черный конь...,
Мрачнѣе пламя—и чадный духъ...
Дыханьемъ душнымъ тушу я вдругъ.
Ахъ, конь насъ черный куда-то мчитъ...
Копытомъ въ сердцѣ стучитъ, стучитъ!

М. ШАГИНЯНЪ.

ЗАВЯЗЬ.

Тотъ трижды лживъ, кто торопливъ,
Въ комъ сердце жадно и забвенно!
Ни знойныхъ лозъ, ни сладкихъ сливъ
Не золотитъ Господь мгновенно,

Но медленно по стеблю сокъ
Благоуханной влагой бродитъ.
И время вяжетъ узелокъ
Его янтарной тайны—въ плодѣ.

Пусть корню спать въ землѣ темно!
Что нужды? День, лучами всѣми,
Поитъ въ цвѣткѣ и кормитъ сѣмя,
Гдѣ прошлое—сбережено.

АРМЯНСКОМУ НАРОДУ.

Гнѣздо имѣетъ птица Божья,
Имѣютъ норы червь и кротъ.
Отъ вѣка брошенъ въ бездорожье
Лишь ты, бездомный мой народъ!

Мечту сыновъ твоихъ питали
Не хищный блескъ булатной стали,
Не горъ воинственныхъ верхи,
Не звонъ награбленной добычи,—
А дома тихій смѣхъ дѣвичій,
Да въ полѣ мирный скрипъ сохи.

Ты воевалъ съ іюльской сушью
За пересохшія поля,
Налаживалъ свирѣль пастушью
На грустномъ *re* и дикомъ *la*,
И стригъ овецъ своихъ косматыхъ,—
Родной земли живую персть,—
Чтобъ круглый годъ въ опрятныхъ хатахъ
Прилежно жены пряли шерсть.

И вотъ опять пустынны нивы,
Опустошенъ, разграбленъ край.
Въ его просторахъ волкъ лѣнивый
Свой хриплый подымаетъ лай.
А ты, какъ Божій Сынъ, безъ крова,
Какъ Онъ, не обнажая мечъ,—
Среди чужихъ ты ищешь снова,
Куда главой своей прилечь...

Народъ-страдалецъ, Богу внемли!
Пусть крестный путь твой не истекъ,—
«Блаженны кротцыи», Онъ рекъ:
«Яко тіи наслѣдятъ землю».

П. ШАПИРЪ.

* * *

Пусть будетъ утѣшеньемъ мнѣ,
Что я живу въ родной странѣ,
И горести мои и трудъ
Въ ея владѣніяхъ замрутъ.
Что пламя въ сердцѣ у меня
Зажглося отъ ея огня,—
И что меня всего, всего
Въ томленьи духа моего,
Какъ птицу, сѣвшую въ пути,
Въ ея просторахъ не найти...

ЮРОДИВАЯ.

Влачится—у!—через волчецъ,
Скрывая рваную порфиру:
Ее привелъ сюда Отецъ
И водитъ за руку по міру.

Она и жизнью не живетъ,
Она и мѣрою не мѣритъ,—
На всѣхъ углахъ поклоны бьетъ,
На церкви креститея и вѣритъ,—

Ужъ такъ ничтожна и тиха,
Какъ будто мертваго омыла,
Какъ будто имя жениха
Неумолимо позабыла.

И. ЭРЕНБУРГЪ.

ВЪ СМЕРТНЫЙ ЧАСЪ.

Когда распинали московскіе соборы,
Ночь была осенняя черная,
Не гудѣли колокола тяжелые,
Не пѣли усердныя монахини,
И отлетали безвинные голуби
Отъ своихъ родимыхъ папертей.
Только одна голубица чудная
Не улетала съ быстрыми стаями,
Тихо кружилась надъ храмомъ поруганнымъ,
Будто въ немъ она что-то оставила.
Пресвятая Богородица, на муки сошедшая,
Пронзенная стрѣлами нашими,
Поднесла голубицу трепетную
Къ сердцу Своему кровью истекавшему:
«Лети, голубица райская!
Лицомъ къ землѣ на широкой площади
Лежитъ солдатъ умирающій.
Испить передъ смертью хочетъ онъ.
Одинъ только разъ онъ выстрѣлилъ,
Выстрѣлилъ въ церковь печальную,
Оттого твои крылья чистыя
Кровью Моей обагряются.
Омочи этой кровью его губы убогія!
Намочи его душу бѣдную,
И скажите ему, что приходитъ Богородица,

Когда больше ждать уже некого,
И только если заплачетъ онъ,
Увидавъ Мое сердце пронзенное —
Скажи ему, что радость Матери
Своей кровью поить дѣтенышей».

ВЪ АВГУСТѢ 1914 ГОДА.

Издыхая и нея,
Пролеталъ за поѣздомъ поѣздъ,
И вдоль рельсъ на сбѣгающихъ склонахъ
Подвывали закланныя жены.
А въ вагонѣ каждый зуавъ
Пѣлъ высокіе гимны.
(И нимфы
Стенали среди дубравъ).
«Ахъ люблю я Маріетту, Маріетту
Эту,
Все за ней хожу.
Гдѣ мы? гдѣ мы? гдѣ мы?
Я на штыкъ мой десять нѣмцевъ
Насажу!»
Дамы на штыки надѣли
Чужеземные цвѣты-хризантемы.
А рельсы все пѣли и пѣли:
— Гдѣ же мы? гдѣ мы?
И кто-то, тая печаль свою,
Имъ отвѣтилъ—въ Раю!

Май. 1915 г.

ЕЩЕ КОЛЫБЕЛЬНАЯ.

Беллѣ.

Не къ богатымъ, не къ косматымъ,
Не къ мохнатымъ медвѣжатамъ,
Не къ арапамъ косолапымъ,
Не къ собакамъ, не къ чертякамъ
Шла смерть въ мою клѣтушку,
За мой столъ, до моихъ дѣтушекъ.
Я просилъ—не тронь дѣтенышей!
А она взяла и тронула.
Ты не гладь—она погладила,
Всѣмъ дала по виноградинѣ.
Увела и слѣдъ примѣтила,
Замела хвостами песьими,
А къ себѣ пришла, проклятая,
Завизжала и заплакала,
Плача, пеленала трупики,
Пестовала и баюкала:
— Я-га-га! у-лю-лю!
На-по-ю! на-кор-млю!

Май. 1915.

МОЛИТВА.

«Нареки ей имя—
Непомилованная».
Осія I. 6.

Идетъ косая,
Ухмыляется.
Юбка разорвана, голая,
А на бедрахъ синяки.

Не виномъ тяжелымъ
Не залить тоски.
Не бродягѣ вѣтру
Не заплесть трясучихъ косъ,
Не утишить человѣку
Человѣчьихъ слезъ.

Это шляется, что ни день грѣша,
Озираясь съ опаской
Неумытая, засранная
Моя душа.

Толкаютъ въ бока матросы,
Гогочутъ до хрипоты.
И шепчетъ она «Господи,
Кто же? Кто жъ коль не Ты?»

Душу жадную
Ты насыть,
Чтобъ не надо было
Жить,
Душу сонную
Пробуди,
Чтобъ она припомнила
Все, что позади,
Чтобъ она не пряталась
Отъ тяготъ,
Научи ее какъ ночи плакать
Напролетъ,
Укрѣпи, чтобъ каждый вечеръ
Ждать,
Безъ Тебя чтобъ было нечѣмъ
Дышать.
Чтобы воя, чтобы поя
Биться у стѣнъ,

Чтобы быть ей предъ Тобою
Ничѣмъ.

Зашла въ кабакъ,
Поетъ пѣсенки:
«Эй ты солдатъ,
Бери на мѣстѣ!
Я тебя люблю
Бородатаго!
Я скулю, скулю.
Вѣришь—гадко мнѣ?
Разъ—два—три!
Кто хошь бери,
Все одно!»
Господи, въ той комнатѣ окно,
У меня темно.
Господи, тамъ свѣтъ,
А здѣсь нѣтъ,
А здѣсь я—
Рабъ твой Илья,
Я и душа моя,
Бѣдная,
Жадная,
Непотребная,
Смрадная,—
Въ трясучкѣ
Лежитъ на печи.
Скучно намъ...
Научи
Жить, любить, рождать, ходить, спать, хоронить,
Плакать, радоваться,
Не такъ, какъ хочется, а какъ надо:
Утромъ вставать,
Днемъ трудиться,
Вечеромъ ложиться,

А ночью спать—
Чтобъ, когда настанетъ время,
И покинетъ сердце страсть,
Задрожавъ, какъ листъ осенній,
Предъ Тобой упасть,
Вечеромъ,
Просто,
Когда на небѣ за всѣхъ теплятся свѣчи
Предъ Тобой Господи!
Когда облетаютъ съ вѣтки
Тихіе листы,
Когда больше ужъ нѣтъ человѣка,
Но только Ты.

Іюнь. 1916.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ «ПОВѢСТИ О ЖИЗНИ НѢКОЙ НАДЕНЬКИ И О ВѢЩИХЪ ЗНАМЕНІЯХЪ, ЯВЛЕННЫХЪ ЕЙ».

Когда Наденька кончила прогимназію
Былъ большой праздникъ.
Мама вынула чайный сервизъ съ розанами (чего лучше?)
Халвы купила и тянучекъ.
А Наденька купила себѣ корсетъ съ голубыми лентами.
(Ишь!
Ужъ совсѣмъ, совсѣмъ Парижъ!)
Нѣкоторые неповторяемые комплименты...

«На тебя, Наденька, одна надежда...
Вотъ можетъ заживу какъ прежде...
Замучилась твоя мама...
Какъ бы ты поскорѣе... того... замужъ».

Мамѣ—
«Я поѣду на балъ въ офицерскомъ собраніи».

«Ну, веселись, дѣтка!
Пріѣдешь, вѣрно, голодная—я тебѣ оставлю котлету»...

Балъ въ «Кукушкѣ»
И у душки
Веснушки.
А онъ влюбленъ,
И шикенъ.

«Въ этомъ мірѣ...»
Лира-рира...
«Изнывая...»
Лари-рая...
А послѣ повторялъ одно грустное
Это древнее «люблю».
Гдѣ-то канарейка отвѣчала почти что по-французски
«Ллью-ю-ю!»
И было въ этихъ «л» столько ливней ясныхъ,
Столько еще невыплаканныхъ слезъ!
И знала Надя отъ этого часа
Не уйдешь.
Раскраснѣвшись отъ танцевъ,
Уже полюбившая, уже нелюбимая,
Она молилась съ бокаломъ шампанскаго:
«Господи, пронеси эту чашу мимо!..»

И напрасно въ Божениновскомъ переулкѣ
Мама ждала до разсвѣта,
И напрасно въ столовой стыла котлета...

Январь. 1916.

О СЕБѢ.

Нѣтъ! я не поэтъ—я или пророкъ,
Или только жалкій юродивый,
Что, задравъ рубашку, на брюхѣползетъ
И оретъ—это будетъ! Это будетъ сегодня!
Это будетъ и сердце полно предчувствій.
Что будетъ? вѣчный животъ или смерть?
Не знаю, но знаю что будетъ, и вьюсь я
Какъ раздавленный червь.
Не поэтъ я! Вы слушаете—
«Вотъ раздадутся звуки плавные,
И наши истомленныя души
Заночуютъ въ тихой гавани».
А мои стихи выползаютъ, голые птенчики
Розовые писклявые, еще необсохшіе.
Вы кричите: «одѣньте ихъ!
Мы не можемъ! стыдно! тошно намъ!»
Во что одѣну ихъ? У поэтовъ пышныя облаченія,
А я не поэтъ—я нищій,
У меня нѣтъ даже дерева,
Чтобъ сорвать хоть одинъ фиговый листикъ.
Я могу визжать про свою муку,
Прыгать съ перешибленной лапой,
Какъ старый развратникъ сюсюкать,
И по ребячески плакать.
Вы кричите «уберите его!
Довольно онъ здѣсь кривлялся!»
А я могъ бы такъ любить васъ!
Такая во мнѣ ко всѣмъ жалость!
Но вотъ встаю кричу—опомнитесь!
Я не могу—вы легли! вы уснули!
Онъ придетъ, а вы заперлись въ вашихъ комнатахъ,
Вы не успѣете выбѣжать на улицу!
Стихи прочтете, мой скулящій голосъ послушаете,

На мигъ раздражитесь и уйдете безотвѣтные,
Чтобъ упасть, какъ на мягкія подушки,
На стройныя строки—не мои—поэтовы!
И забудете того, кому тоже было стыдно и горько,
Кто какъ вы хотѣлъ любви, радости тихой,
Но не могъ, ибо прыгалъ и корчился,
Слыша то, что вы не разслышали.
Лишь когда запоетъ труба архангела,
И ослиныя копыта прозвенятъ на площади каменной
Вы скажете: вѣдь и тотъ кривляка
Кричалъ—Осанна! Осанна!

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стихотворенія, отмѣченныя звѣздочкой, появляются въ печати впервые.

Вяч. Ивановъ.

Г. Ивановъ.

Р. Ивневъ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗЕРНА».

Амари. Глухія слова. Обложка И. Лебедева. 1916. Ц. 60 к. (Распродано).

Максимиліанъ Волошинъ. Anno mundi ardentis. Обложка Л. Бакста. 1916. Ц. 75 к. (Распродано).

И. Эренбургъ. Стихи о Канунахъ. Обложка Воробьевой-Стебельской. 1916. Ц. 1 р. 50 к. (Распродано).

Франсуа Війонъ (Виллонъ). Отрывки изъ «Большого Завѣщанія», баллады и разныя стихотворенія, въ переводѣ И. Эренбурга. Обложка И. Лебедева. 1916. Ц. 1 р. (Распродано).

Жакъ де-Безье. О трехъ рыцаряхъ и рубахѣ. Повѣсть XIII-го вѣка. Перевелъ со старо-французскаго И. Эренбургъ. Текстъ обложки, заставки рисовалъ и рѣзалъ на доскахъ Иванъ Лебедевъ. 1916.

Цѣна 7 руб.

x-5921

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 13 08 06 05 007 6